

ЛИНИЯ

судьбы

*Воспоминания
детей
«врагов народа»*

Четвертый сборник

Нижний Новгород
2012

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
Л-59

Л-59 **Линия судьбы.** Воспоминания детей «врагов народа». Четвертый сборник. Составители — Фаворская И.М., Юдина Н.О. — Нижний Новгород: Издательская группа «ПРО СВЕТ», 2012. — 76 с.

Редактор — *Н.О. Юдина*
Дизайн и верстка — *В.В. Шеина*
Корректор — *Л.А. Зелексон*

Четвертый сборник является продолжением одноименного издания. В нем собраны воспоминания родственников тех, кого в годы сталинских репрессий называли «врагами народа». В результате ложных обвинений многие представители российской интеллигенции и работники села были расстреляны или сосланы в лагеря для политзаключенных. На долю их детей и близких выпало немало горя и тяжелых испытаний. Однако это не сломило потомков невинно осужденных. В каждой новой судьбе, представленной вниманию читателей этого сборника, можно встретить достойный пример силы духа и мужества, веры в людей и заботы о своих близких. Сборник предназначен для молодого поколения нижегородцев.

- © Государственно-правовой департамент Нижегородской области, 2012.
- © Комиссия при губернаторе Нижегородской области по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, 2012.

Майя Семеновна ДУРАСОВА-ГОРН, Юлия Семеновна КОМПЛЕВА

«Семен Григорьевич Дурасов родился в 1884 году. В 1904 году впервые арестован и сослан за участие в революционной деятельности. Впоследствии подвергался репрессиям неоднократно. Член КПСС. Участвовал в гражданской войне. После неё находился на партийной и советской работе. В настоящее время – персональный пенсионер, проживает в Горьком» – с этой краткой исторической справки начинается статья-воспоминание папы о событиях в Перми сразу после февральской революции 1917 года и до октября 1918 в коллективном сборнике «В пороховом дыму», изданном в 1961 году.

Полная официальная биография отца была опубликована в очерках об участниках революционного движения в Нижегородской губернии «Солдаты ленинской гвардии» в 1977 году. Начинается очерк торжественно и вполне точно: «Жизненный путь Семёна Григорьевича Дурасова – это тернистый путь негибаемого борца, прошедшего через угрюмые казематы царских каторжных тюрем, через опасную и подвижническую нелегальную работу в организациях РСДРП на заре её зарождения и становления».

Читая эти строки, хочется сразу сказать, что, несмотря на «угрюмые казематы» и «опасную работу», папа был очень светлым, оптимистическим человеком, романтиком, добродушным и открытым в общении. Он каждое утро брал нас с собой на волжский Откос встречать рассвет. Он много общался с молодёжью, рассказывал ей о своих встречах с В.И. Лениным, Н.К. Крупской, М.И. Калининым, Я.М. Свердлово-

вым, с нижегородскими большевиками Заломовым, Козиным, Волковым.

Жили мы в доме старых большевиков на улице Минина, 27 в квартире 40. Жильцы дома дружили между собой, а мы, дети, проводили всё свободное от уроков и школы время во дворе, играя большой ватагой в кис-брысь-мяу, в войну, в волейбол, в крокет, катались на велосипеде.

Очерк заканчивается в духе того времени: «Страстный пропагандист, проводник ленинской партии, С.Г. Дурасов написал научные работы: «В.И. Ленин в Н. Новгороде», «Я.М. Свердлов» и другие. Его постоянно звала вперед мечта, ставшая целью всех дружественных народов нашей страны, – строительство коммунизма. Во имя этой цели он не жалел ни сил, ни энергии. С.Г. Дурасов был истинным патриотом своей страны. Такими воспитал и своих детей – сына Аркадия, дочерей Майю, Юлию, Ольгу. И как признание заслуг коммуниста Семёна Григорьевича Дурасова Родина отметила его активное участие в революции 1905 года и строительстве социализма своей высшей наградой – орденом Ленина».

В этом очерке ни слова не говорится о репрессиях в сталинский период, об аресте папы 7 марта 1938 года, об оправдательном приговоре Военного трибунала от 21–23 марта 1940 года и о жизни в статусе «врага народа» до 1958 года.

Зато автор очерка хорошо представил аресты отца до революции: «Весной 1901 года омские пролетарии устроили первомайскую демонстрацию. ...Первая демонстрация и первый арест. Сидя в околотке, Дурасов ругал себя за беспечность: понадеялся, что всё пройдёт благополучно, раз не видно полицейских. А поймал его переодетый жандарм. Поскольку раньше в списках “крамольных” Дурасов не числился, его на этот раз, продержав пять дней в полиции, отпустили. Начальство железнодорожных мастерских с работы уволило. Куда пойти?..»

Второй срок отец получил в октябре 1908 года, его приговорили к 10 годам политической каторги. «В обвинительном заключении, составленном военным прокурором генерал-майором Черновым, говорилось: «Солдат-рядовой 113-го пехотного Старорусского полка Дурасов С. Г., года рождения 1884-го, меща-

1959 год

нин г. Балахны Нижегородской губернии, обвиняется в том, что весной 1906 года в Митаве и Риге состоял членом преступного общества, присвоившего себе наименование Рижской военной организации РСДРП, заведомо для него поставившей целью своей деятельности ниспровержение в России путём вооружённого восстания рабочих и крестьян установленного основными законами образа правления с заменой его демократической республикой с Учредительным собранием во главе. На основании ст. ст. ... (перечисляются статьи уголовного уложения и Свода законов Российской империи, Свода военных постановлений) Дурасова передать Виленскому военно-окружному суду».

Впервые о репрессиях по отношению к нашей семье было опубликовано в статье «Расстрелянный ждал документ о реабилитации за дверью кабинета» в газете Нижегородский рабочий от 25 ноября 1999 года. (На большом развороте поместили фотографию всей нашей семьи «Дурасят» – это мы так себя называем.)

Журналист Надежда Жильцова в анонсе к этой статье написала: «“Алло! Это редакция? Я внук Семёна Дурасова, моя мама хотела бы с вами встретиться”, – вот такой звонок прозвонил в “Нижегородском рабочем” сразу после публикации “Он

Аркадий Дурасов

революцию продолжил – она его чуть не убила” (№ 210 от 6.11.99). В рубрике “Уходящий век – век двадцатый” мы опубликовали дневниковые записки Семёна Дурасова, человека, который прошёл через все революции столетия и остался жив. И что, может быть, самое главное, несмотря на все ужасы, выпавшие на его долю, он сохранил живую душу и человеческое достоинство. Не сломался. Естественно, большая часть жизни знаменитого земляка осталась, что называется, за кадром, поэтому звонок от родственников не мог нас не обрадовать. Разве не интересно узнать, как сложилась жизнь детей Семёна Дурасова, его внуков? Держат ли они “дурасовскую” марку? Марку честности, открытости, верности, порядочности?»

Автор этой статьи очень верно написала о папе: «Семён Дурасов (был такой грех) колебался вместе с линией партии, но в одном остался непоколебим: в любви к своей семье, к своим девочкам».

Надо сказать, что и старшего своего сына Аркадия Дурасова отец очень любил. Они даже внешне были похожи. Аркадий Семенович – изобретатель, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Ленинградской военно-воздушной академии, подполковник, автор двадцати двух печатных работ, восьми крупных научных отчётов, десяти изобретений, большинство которых было внедрено в практику. Наиболее важным представляется создание аппаратуры для испытания материалов и конструкций без их разрушения.

Всесоюзную известность приобрели изобретённый им в соавторстве с коллегой Крыловым микрохирургический секундомер, измеритель амплитудных колебаний и целый ряд других радиоэлектронных и радиометрических приборов. Наш брат удостоен трёх больших серебряных медалей ВДНХ СССР. Ему первому в Вооружённых силах было присвоено

почётное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР». Одним из немногих мест его работы был космодром Байконур. Последние годы жизни Аркадий Семёнович Дурасов прожил в Ленинграде.

И в войну только благодаря маме выжила наша семья. Отец – инвалид, не мог выйти из дома во время бомбёжек. А на руках мамы две пятилетние дочки-близнецы, Юля и Майя, и дедушка, мамин отец, тоже очень старый и больной человек. Приходилось маме самой добывать дрова (мы с мамой ходили пилить пеньки на откосе), возить на санках из деревни картошку за 40 километров в мороз. Она все преодолела. А в 1946 году, когда ей было 42 года, а отцу – 62 года, мама родила меня, последнюю дочь, названную в честь сестры отца Ольги, расстрелянной в Гражданскую войну.

В статье Надежды Жильцовой приводится часть интервью с Ольгой Дурасовой – нашей младшей сестрой: «Когда отца арестовали, мама (Мария Ивановна) поехала с письмом в Москву. Это был очень смелый поступок. Обычно родственники не решались хлопотать за тех, кто был в тюрьме и “врагом народа”. Она боролась за правду и за свою семью! Боролась как умела. И победила!

В послевоенные годы мама тяжело болела дистрофией, меня, 9-месячную, отдали в ясли, а 10-летние сёстры с отцом-инвалидом метались между яслями и больницей. (В сталинской тюрьме отцу, видимо в качестве пытки не снимали гипс со сломанной руки, и он до конца жизни не мог её разогнуть.)

Всё это мне известно по рассказам сестёр и родителей. А сама я помню состояние покоя, радости и доброты, царивших в нашем доме в 50-е годы. Утро начиналось с папиных позывных: «Ма, Лю, Лё! (Майя, Юля, Оля). Мы бежали к отцу наперегонки. Он радостно улыбался, вставал, делал зарядку, напевая:

*Мы – кузнецы, и дух наш молод,
Куём мы счастья ключи ...*

И мы с сёстрами дружно маршировали под пение папы и сами подпевали ему».

Ольга умерла в 2001 году от тяжёлой болезни. Бóльшую часть жизни она проработала педагогом.

1987 год

А с реабилитацией отца произошла такая история. Дело было в 1958 году. Пришла бумага с Воробьёвки, чтобы туда явилась Юлия Семеновна Дурасова. Отец побелел. Что это? Арест? За что? Говорит: «Пойду с тобой» Страх был смертельный. Входим в кабинет. Сидим. Нам зачитывают документ о реабилитации отца. «А почему не ему самому повестку вручили?» – спрашиваю. «Так он же расстрелян, Дурасов С.Г. И смертно реабилитирован – так в наших документах».

В дневнике отца на первой странице есть слова: «58 лет назад в сентябре 1898 г. – 14-ти летним я начал самостоятельно, без помощи родных пробивать себе дорогу в большую жизнь. Своим честным, упорным трудом зарабатывал пропитание, одежду, квартиру, место за общественным столом...

Нелегко доставалось это! Но я имел двухлетнюю подготовку, начиная с июня 1896 года к работе, ко всякой работе и к лишениям...»

Так и все мы стараемся жить. Работать, содержать свой большой дом и семью в порядке и благополучии.

Софья Ефимовна ВЫСОЦКАЯ

Чем старше я становлюсь, тем ярче всплывают воспоминания раннего детства. Я родилась в Киеве в 1919 году, 27 марта. Сегодня мне почти 93 года. Себя помню примерно с двух лет, когда у нас появилась моя младшая сестра Рика в 1921 году.

Наш дом стоял на улице Большой Подвальной. С улицы он был двухэтажный, на высоком цоколе, а со двора – трёхэтажный. Первый этаж уходил так глубоко, что окна лежали почти на земле, как мама говорила, «на расстоянии двадцати вершков над землёй». Гулять во двор я выходила через окно. В комнате, около окна, стоял большой квадратный стул, а рядом скамеечка. Я научилась влезать на этот стул, затем на подоконник и сразу во двор. Это, конечно, в тёплое время года. Все окна нашей квартиры, и даже кухня, выходили во двор. Был и другой выход на улицу, но там надо было подниматься по ступенькам, ручка двери была очень высоко, а потому через ту дверь я выходила вместе с мамой.

Мама часто брала меня с собой, когда ходила на базар (тогда не говорили «рынок»). Руки у мамы были всегда заняты – в одной она держала большую плетёную кошёлку, так называлась большая сумка, в которую складывались покупки, а в другой руке – тоже большой ридикюль. В нем были деньги, ключи и много всякой всячины, так что и эта сумка была всегда заполнена. Мне было велено крепко держаться за мамину юбку. Это называлось «держись за подол». Подол – это край маминной юбки, и Подол – это место в Киеве, где находился базар. Интересно...

Немного о семье.

Мама, Хася Гланц, родом из местечка Сухолесы, где дед служил лесничим, а бабушка растила детей, их было пятеро — мама самая младшая. В Сухолесах она окончила приходскую школу. Папа, Харитон Швайгер, родом из Радомышля, с 1914 по 1918 год был в армии. После свадьбы в 1918 году они переехали в Киев. Отец работал счетоводом на сахарном заводе у «Бродского».

Хася Давидовна Гланц

Итак, Киев, 1921 год. Мне два года «с хвостиком», Рике четыре месяца. Тёплый осенний день и вечер. Уже темно. Со двора крики, шум, плач... Из окон второго этажа во флигеле огонь и дым... Это в Киеве началась очередная серия еврейских погромов. Мамы нет, она где-то тоже в толпе. Вдруг она быстро входит в комнату, быстро берет Рику и начинает её одевать, закутывает в большой тюк, затем берет большую наволочку, в неё засовывает какие-то вещи, образуется ещё больший тюк. Что-то из ящиков комода засовывает под блузку, как говорят, «за пазуху», накидывает большую шаль, берет в обе руки Рику и другой тюк. Мне велено крепко держаться за подол (на меня напялили всю тёплую одежду, было очень тяжело идти), и мы куда-то побежали по нашей улице... Как потом мама рассказывала, во дворе к ней подошла украинка и сказала: «Бегите на вокзал, там жидив подбирают на Москву»... Вот так мы оказались в Москве... А где же отец? Оказывается, незадолго до нашего бегства из Киева у Бродского начались какие-то сложности, мой отец рассчитался и отправился «на заработки». Поэтому он раньше нас оказался в Москве. Мама знала его координаты. В Москве мы поселились за Крестьянской заставой, по улице Остаповское шоссе (бывшая деревня Дубровка, затем Дубровское шоссе, а к нашему приезду Остаповское). Отец снял комнату в коммунальной квартире и уже успел перегородить её стенкой. Так получилось две комнаты: 14 и 8 метров. При слове «коммуналка» в памяти всплывают такие добрые и приятные

воспоминания, такие добрые отношения с соседями, что хочется и говорить, и писать о ней отдельно. Маму соседи звали Хася Давидовна. Кто-то звал Ася Давидовна. А вот имени отца я так и не знаю, только по фамилии: «Швайгер дома?», «Швайгер уже пришёл?», «Когда будет Швайгер?», «Передайте Швайгеру»... Это примечание важно для дальнейшего...

В 1922 году в стране была объявлена новая экономическая политика (нэп), разрешена частная собственность, появились частные предприятия: артели, мастерские, магазины, разрешена частная практика врачам и т. д. Мой отец устроился на работу к предпринимателю-кондитеру Шубику. Он в специальной форме выпекал известные до сегодня квадратные вафли, сворачивал их трубочкой и заполнял с двух сторон кремом.

И ещё одна деталь: в стране начинается жёсткий запрет на любые религиозные отправления — постепенно закрывались церкви, моленные дома, преследовались священнослужители, велась антирелигиозная пропаганда. Мои же родители были истинно верующими людьми, соблюдали все заповеди и законы. Мама читала молитвенник, обязательно зажигала по пятницам свечи и в субботу пешком ходила в молельный дом. Не знаю, как и кем он содержался, но был он на площади Ногина, там, где сейчас, уже официально, находится хоральная синагога. Отца я ежедневно видела и утром и вечером одетым в специальное облачение, как он стоял лицом к буфету и долго-долго, раскачиваясь вперёд-назад, читал длинные молитвы на непонятном мне языке. Я так подробно пишу о «святости» моих родителей, потому что это явилось впоследствии причиной бед нашей семьи.

1923 год. Мама беременна третьим ребёнком. Зима, на улице гололёд. Мама пешком через Крестьянскую заставу, Таганскую площадь, Яузский мост и Яузские ворота, затем по Солянке идет на площадь Ногина на субботнюю молитву. На обратном пути, на Яузском мосту, поскользнулась и упала. В результате случился выкидыш. Девочка родилась мёртвой. Тем не менее соблюдение субботы и других религиозных правил в доме продолжалось. Хорошо известно правило, по которому в дни иудейской Пасхи нельзя есть хлеб и все, что связано с брожением

в процессе приготовления пищи. В рационе питания обязательной является маца. Это такие квадратные вафли из воды и муки (без соли, без дрожжей и т. д.). А где взять такую еду, если запрещено все, что связано с религией? И вот отец, работая у Шубиков, естественно, по согласованию с хозяевами, оставался на ночь в пекарне, стерилизовал (как уж там, не знаю) формы для выпечки вафель, замешивал это пресное тесто и выпекал мацу. Конечно, не только для себя, т. е. для семьи, но и для друзей. Но шила в мешке не утаишь... Наступил уже 1924 год. Умер Ленин. В стране начал сворачиваться нэп. Запретили частную собственность на средства производства. Антирелигиозная пропаганда усилилась. И, как говорится, «все к одному...». У отца нашёлся «друг», который пришёл за мацой для себя и привёл приятеля, который будто бы приехал из-за границы, верующий и тоже хочет мацу...

И опять немного истории. Сразу после революции 1917 года был большой поток так называемой «белой эмиграции». Это значит, что не все (по разным причинам) приняли новую власть. Границы ещё не были так прочно закрыты, и часть духовенства уехала за рубеж. Творческая интеллигенция (художники, поэты, музыканты) в основном во Францию; техническая интеллигенция – в Германию и Америку. Кто-то в Грецию, в Палестину (в Иерусалим). Конечно, приезжали и оттуда в Россию. Вот одного из таких приезжих и привёл приятель к отцу за мацой...

Человеческой подлости нет предела. По какой причине, не знаю, но этот приятель донёс на отца, что «Швайгер, мало того что печёт и продаёт мацу, так ещё берет за это доллары...» (такие деньги были у «приезжего»). Я ведь об этом вообще ничего не знала, да и не понимала. Мне — пять лет, сестре — три года, что мы понимали в делах взрослых? Так нам рассказала мама, когда мы уже выросли.... Я же помню, как однажды мы с сестрой проснулись и почему-то лежали поперёк на маминой большой кровати. В комнате был не просто беспорядок, а полный «раскардаш». Одежда из гардероба вповалку на кровати, на стульях, на полу... Ящики буфета выдвинуты, и все из них лежит на столе. Книжки, в основном религиозного содержания,

не на русском языке даже, растрёпаны и валяются где попало. На наш вопрос «Что это?» мама сказала, что потеряла обручальное золотое кольцо и всю ночь его искала. Об отце мы даже не спросили. Понято, что «Швайгер на работу ушел». Прошло несколько дней. Мы с сестрой не хотели ложиться спать, не дождавшись папу. Дело в том, что отец с работы всегда приносил «вкусненькое», а тут мы давно ничего не получали: «Будем ждать папу». И только тогда мама впервые сказала: «Папа уехал по делам». Поскольку и такое тоже бывало, то, как говорят, «без вопросов». Потерпим... Прошло ещё какое-то время. Из Киева к нам приехал мамин старший брат Ефим Давидович Гланд. Он разошёлся с женой и поселился у нас, поступил на работу упаковщиком в издательство «Молодая гвардия». Трудовая сетка — рабочий, что было очень важно в то время.

Я уже пошла в школу. Рика ещё мала. Тогда в школу записывали с восьми лет. И снова вопрос: «Где папа? Куда он уехал так надолго?» И ответ мамы: «Папа от нас уехал совсем. Он живёт далеко». Как мы потом узнали, отец получил по совокупности — пропаганда религии и валюта — 58-ю статью, что «потянуло» на пять лет Соловков, а в финале «минус 10», то есть запрет на проживание в столице и крупных городах (в те годы решения суда были гуманнее, чем в будущие десятилетия).

Больше мы папу не видели. Мы выросли. На одну дядину рабочую зарплату жить стало трудно. И мама пошла работать. Работу искала такую, где не надо было «заполнять анкет», которые подлежали скрупулёзной проверке. Она пошла на завод «Клейтук» разнорабочей. Фактически — грузчицей. В этом были свои плюсы и минусы. Главным «плюсом» было то, что не требовалась доскональная проверка анкеты. Но работа тяжёлая, мама вскоре простудилась и заболела пневмонией, которая перешла в гнойный плеврит. Провела почти полгода в боль-

Харитон Григорьевич
Швайгер, 1924 г.

нице. Все это время мы были на попечении дяди и очень добрых, хороших соседей по коммуналке. Нас и подкармливали, и брали в баню, и помогали дяде по хозяйству. Но, что самое удивительное, НИКТО НИКОГДА не проболтался, что знает, где и что произошло с нашим отцом. А ведь не могли не знать! Кто-то открыл дверь «ночным гостям». Кто-то был и понятным! Но никто, никогда ни намёком, ни впрямую мамино секретам нам не открыл.

После выписки из больницы мама не могла работать на заводе. И она пошла работать уборщицей в школу, где я училась и куда вскоре поступила Рика. Работа тоже нелёгкая. Ни пылесосов, ни палок для тряпок, чтобы мыть полы. Все вручную, все на ногах и при согнутой спине. Зато мы под присмотром. Да и была помощь кое-какая «матери-одиночке». Одежду (пальто, пионерскую форму, калоши, валенки, другие носильные вещи) продавали по специальным талонам, которые назывались ордерами. Мама, и как работница школы, и как мать двоих детей, получала от профсоюзной организации эти ордера. Помощь по тем временам солидная.

После всего пережитого мамой, после больницы, где было время обдумать свою жизнь, тема религии была для нее закрыта навсегда. Я думаю, что мама поняла, несмотря на фанатичную преданность вере, что ей помог не Бог, а добрые люди. Никогда больше я не видела в её руках молитвенника. Красивые подсвечники стали просто декоративным украшением. А свечи держали на случай, если погаснет электричество. Правда, сохранялась для этих целей и керосиновая лампа — наследие до-революционного времени.

Благодаря тому, что по решению мамы имя отца из нашей жизни ушло совсем, мы благополучно окончили среднюю школу. Мы обе вступили (без лишних вопросов и анкет) и в октябрята, и в пионеры, и были членами комсомола, а я даже была членом КПСС. Я до войны поступила в театральное училище, которое окончила уже в Свердловске в 1943 году. Я участвовала в бригадах по обслуживанию советских войск и раненых в госпиталях. После окончания войны работала в Германии и в Австрии актрисой в Театре Советской военной администрации

Рика, 1938 г.,
Москва

Соня Швайгер – студентка
театрального училища,
1938 г.

в Германии, где служил мой муж, ушедший на фронт со студенческой скамьи в первые дни войны. Являюсь ветераном Великой Отечественной войны, награждена медалями, грамотами, памятным знаком и т.д. Много лет была членом правления Союза театральных деятелей России и Горьковского/Нижегородского отделения. У меня дочь, внуки, правнуки и праправнуки... Все же моя жизнь состоялась. И всем этим я обязана маме. Мама для нашего спокойного будущего принесла в жертву свою жизнь. Официально, не будучи разведённой, она не могла устроить свою личную жизнь. Тяжёлая, изнурительная работа, и все это для того, чтобы мы были освобождены от ненужных анкетных вопросов. Последние свои годы и дни мама прожила со мной, в Горьком. Умерла в 1971 г. от инсульта, при полной неподвижности и потере речи...

Моя сестра, Рика, школу окончила перед самой войной, сразу вышла замуж, родила сына, затем война, эвакуация, рождение дочери. После эвакуации она вернулась в Москву, рано осталась вдовой с двумя детьми и грудной внучкой на руках. Сестра моя и сейчас живёт в Москве, в пятиэтажной «хрущевке» в микрорайоне Кузьминки. Ей уже 90 лет. У неё очень хорошие дети, внуки и правнучки. Здоровье оставляет желать лучшего...

И, конечно, эти воспоминания были бы неполными, если бы я не написала о том, как сложилась судьба отца. Когда я с семьёй спокойно жила и работала в Германии, в Москве события

Хася Давидовна, 1965 г.

развивались таким образом: 1948 год, сестра с семьёй вернулась из эвакуации после войны, мама жила с ней. Отремонтировали квартиру на Остаповском шоссе (в войну прямо через нашу комнату прошла немецкая бомба). Муж сестры вернулся из эвакуации с автозаводом (он был ещё имени Сталина). Рика окончила фельдшерские курсы и работала в кардиологическом кабинете поликлиники. Жизнь вошла в свою колею. И вот к ним приезжает представитель районной больницы, он разыскивает семью Швайгер. Оказывается, накануне скорая медицинская помощь сняла с поезда очень тяжёлого больного, он был почти без сознания. А когда пришёл в себя, то сказал, что приехал в Москву и разыскивает свою семью, которая когда-то жила по адресу: Остаповское шоссе, напротив чайной Матушкина, номер дома он не помнит. Жена и две дочери (которые уже повзрослели). По документам он Швайгер Харитон Григорьевич. Приехал из Ульяновска, до войны жил на Кавказе, города называл разные. Сестра поехала в больницу. Но ни он её, ни она его, конечно, узнать не могли. Когда же мама поехала навестить больного, то подтвердила, что действительно это наш отец, хотя узнать его очень трудно. Болезнь была на своей последней стадии, и вскоре отец умер. Сестра похоронила его на подмосковном кладбище Востряково рядом с могилами маминых братьев – дяди Ефима и дяди Александра. Надпись на его могиле, согласно документам, Швайгер Харитон Григорьевич.

Почему у меня и у сестры отчество Ефимовны? Поскольку, по маминой легенде, «отец от нас уехал», а по имени его никто не звал, мама, официально не разведённая, носила фамилию Швайгер, то и мы были Софья Швайгер и Рика (по паспорту Ревекка) Швайгер. Так мы были записаны в школу. Когда же получали аттестат зрелости, мама назвала имя дяди — Ефим, так мы и получили отчество Ефимовны...

Вот, пожалуй, и все. Мама перед смертью считала, что она расплачивается за то, что во имя детей предала обет брака — хранить верность мужу. Что для спасения нас скрыла от нас правду об отце. Не знаю, имеем ли мы право сегодня осуждать маму. Те, кто умен задним умом, осуждают её. Но «хорошо быть умненьким сегодня, как сосед завтра». Я же перед памятью мамы склоняю голову. И хорошо, что она похоронена там, где рядом есть место для меня, т. е. в моем городе Горьком, теперь Нижнем Новгороде, в котором я живу с 1950 года. А отцу пусть земля будет пухом.

*К публикации материал подготовлен
Е. Деречинской*

Борис Акимович ДЕХТЯР

Я, Борис Акимович Дехтяр, родился и вырос на Украине, в районном центре Любар, местечке Волынской губернии (теперь Житомирской области), в 1922 году.

Мой отец, Дехтяр Акива Соломонович, после участия в боях Первой мировой войны в районе Вильно женился на маме, Кауфман Гинде Борисовне, также воевавшей на передовой Румынского фронта добровольной сестрой милосердия. Все мне говорили, что они оба с юности отличались милосердием.

В годы Гражданской войны Любар несколько раз переходил из рук в руки. То сечевики, то буденновцы, то банды, то Котовский, то петлюровцы, то белополяки. И все грабили, карали, убивали, особенно в еврейских погромах, из-за которых остались безпризорными сотни детишек. Мои родители организовали общественный сиротский приют для еврейских детей. Помогали многие жители и власть.

В эти же годы была ужасная эпидемия тифа. Мама, сама переболевшая им и потерявшая от этой болезни еще молодого своего отца, днем и ночью спасала людей: колола камфару, обрабатывала дома карболкой. И во всем ей помогал отец.

Вскоре в Поволжье начался страшный голод, и в Любар привезли оттуда многие сотни сирот. Государство организовало в большом монастыре так называемый Детский городок. Монашек разогнали, туда же перевели и подопечных маме детей.

Впервые в истории была организована еврейская советская школа-семилетка, ставшая позже средней. Мама стала преподавать в ней химию и биологию.

Отец работал в исполкоме инспектором труда, руководил отделом социальной помощи. Я помню, как в любую погоду, в дождевике на телеге или в тулупе на саях, он ездил по селам и развозил пенсии. Но главное, проверял, не ущемляют ли права работников. Архивисты прислали мне его статью в любарской газете «Работу совхозов под контроль масс». В июле 1932 года он разоблачил воровство в столовых, безобразное состояние дел и ужасные бытовые условия рабочих. Этому ему не забыли. Но я забежал вперед.

В 1928 году родилась у нас моя сестра Маня. В это время благодаря ленинской новой экономической политике (нэп) жить стало легче. Крестьяне были хозяевами своей земли, решили свободную торговлю, в изобилии появились все товары наилучшего качества.

Но в 1929 году грянул сталинский «перелом» (хребта народу). Крестьян заставляли идти в колхозы, отнимали все добро, нажитое тяжелейшим трудом: землю, скот, орудия производства, обложили непосильными налогами. А настоящие, добросовестные коммуны разогнали.

Когда закрыли церкви и снимали колокола, преодолев толпы женщин, дежуривших круглые сутки, атмосфера накалилась. Началось «раскулачивание» – ссылка семей в трудовую армию на восток тех, кто не шёл в колхоз. И в Любаре вспыхнуло крестьянское восстание – «Волынка». На моих глазах кавалеристы с саблями подавляли толпы людей, захватившие архивы, убившие комсомольцев и коммунистов. После этого по всему горизонту ночами царили зарева пожаров. Выселение «кулаков» и «подкулачников» шло под призывом «Уничтожить как класс». Выгребали все зерно в домах дочиста, так, что не оставалось на посев. Начался страшный голод, трупы валялись опухшие, я это видел. Было людоедство.

Первый арест отца

В 1934 году в Любаре началась кампания под названием «выкачка золота». Власти, видимо, считали, что «у евреев всегда есть золото». А до торгсина не сразу додумались. В районы Украины было спущены твердые задания и нормы сдачи золота любой ценой. Вымогатели применяли пытки. О них бесстраш-

Слева направо: сверху – Дехтяр Акива Соломонович, арестован в 1937 г., расстрелян; Кофман Гинда Борисовна, убитая в 1941 г. в Любаре; Нудель Гриша, арестован в 1937 г., погиб в ГУЛАГе. Внизу: Дехтяр Б.А.; его бабушка Шева; его сестра Майя, убитая в 1941 г. в Любаре; Таня, жена Гриши

но рассказала наша акушерка Сара Хазина. Калека, которой сломали ногу казаки на баррикадах в Одессе в 1905 году. Все местечко знало, как беззаветно она, одинокая старая, помогала всем людям. Как её пытали! Но выпустили. Её никто не выкупил.

Дошёл черед и до папы. Возможно, считали, что нельзя служить в соцстрахе и взяток не брать. А мы жили впроголодь. В 1931 году родилась моя сестричка Лара, и на иждивении была у нас бабушка – хозяйка дома.

Мне было 12 лет. Я носил отцу передачи в тюрьму. Она находилась в подвалах бывшего графского палаца. Толстые решетки. Я стоял в длинной очереди. Мама варила гусиный суп, очень жирный, чтобы поддерживать силы отца. Вдруг мы услышали команду часовым, что стояли с ружьями с примкнутыми штыками: «На выводку!» Я кинулся к ограде и в щель увидел цепочку заключенных. Не сразу я узнал отца: за две недели он оброс и страшно похудел.

Когда я передал передачу, ждал возврата корзинки. Взял её и увидел в ней кусок хлеба. Почему папа его вернул? Я на всякий случай быстро отошел и побежал домой. Мама сразу стала крошить хлеб, и из него выпала малюсенькая, туго скрученная, тонкая бумажка. Это была записка, и мама с дрожью развернула её и читала про себя, заливаясь слезами. Позднее я узнал, что это был вопль отчаяния папы. Нас охватил ужас бессилия. Но вдруг через несколько дней ночью папа вернулся, ужасно грязный, вшивый и осунувшийся. Папа перешел работать счетоводом в МТС.

Второй арест отца

В проклятом 1937 году, осенью, грянула новая беда, страшнее первой. По всему Любару и селам пошли аресты невинных людей. Мало кто верил, что они «враги народа». Здесь все знали друг друга с детства. Но как раз бывших контрабандистов и самогонщиков не сажали. Наоборот, многие из их среды вошли во власть. Сажали и сажали наших знакомых: известного председателя колхоза, хороших работников. Подлецы сажали не подлецов. Каждое утро мы только и слышали: «Взяли Ивана, взяли Абрама...». Арестовали заведующего отделом образования в исполкоме – товарища Гитермана. О нем написали заметку в газете, что «этот шпион составлял фашистские листовки». Все ужасались, но молчали. И именно его выпустили зимой 1938 года, когда «ежовые рукавицы» сменили на «бериевские перчатки».

Пришли арестовывать начальника политотдела МТС Мазура. Он, готовясь к возможному аресту, зарядил наган и зимой (!) не закрыл окно, выходящее на берега реки Случ. Когда к нему пришли – сбежал на лед. Его догнали и застрелили. Началась паника. Люди теряли уверенность в себе, а кто-то – и в соседях. Не спали по ночам, прислушиваясь, где остановилась машина: не к нам ли? Вместе с поляком Р. арестовали и его сына – отличника Толю из нашего класса, т. к. ему исполнилось уже 16 лет. Мне же было ещё 15.

Аресты приближались к нашему дому. Когда мама узнала, что взяли нашего соседа по улице, то сказала: «Завтра могут и у нас быть». На следующую ночь пришли за отцом. Я на-

всегда запомнил эту дату: 24 октября 1937 года. Я тогда спал в комнате бабушки и услышал в другой комнате шум голосов. Там горел свет, и сердце мое замерло: неужели возьмут отца? Бабушка в длинной ночной рубашке склонилась надо мной в темноте и прошептала: «Тихо, забирают папу. Тебе туда нельзя». – «Пусти!» – зашептал я. Но она крепко меня держала и сказала: «Тебя тоже могут забрать, как забрали Толю, тогда мама совсем пропадёт». Я стал вслушиваться и понял, что идет обыск, книги бросали на пол. Мама сказала: «Капитан Лейков, это детская тетрадка с марками, филателия». Он сказал: «Покажите письма, с которых отклеены эти марки!» Увидев марки, он сказал: «Но это же Африка, Австралия – связь с заграницей».

Дверь открылась, отец склонился надо мной, быстро поцеловал и вышел. Хлопнули дверью, уходили. И тишина. Увели... Сердце моё колотилось, и только одна мысль повторялась в уме: Не забыть! Не забыть! Не забыть!.. Я не смел даже догадываться, что отец ушел навсегда.

Любарчане знали моего отца как не очень разговорчивого, неподкупно честного работника. Он погиб из-за этого и своей твердости. Но все боялись за себя, а некоторые старались опередить события и доносили на других. Я знаю примеры. Люди сводили личные счеты, а начальники выслуживались, тоже боялись. Царил общий страх. Брали и по анонимкам, опережая «план посадок».

Маму стали вызывать в НКВД, заставляя отказаться от отца. Но не могла она этого сделать, хотя знала, что и её могут забрать и пропадут дети. Кончилось тем, что её уволили из школы и мы остались без денег с четырьмя иждивенцами.

Мама решила хлопотать об освобождении отца. В морозы она поехала в Житомирское областное управление НКВД добиваться оправдания отца. Наивно думала, что это местные власти не разобрались. Чуть не погибла, повиснув на подножке битком набитого, обледеневшего трамвая. Кто-то втянул её в вагон. Приёма она не добилась. Вернувшись, отчаялась до того, что ей стала мерещиться на улице какая-то черная собака, которая вот-вот нападет.

Помощь пришла неожиданно: о нашей беде узнали бывшие ученики мамы, которые в большинстве любили свою учительницу. Один прислал перевод на деньги с Сахалина, куда его распределили из Ленинградского лесного института, хотя знал, что рисковал за связь с семьей репрессированного врага. Другой – из далёкого Биробиджана (Фаликман, будущий крупный еврейский писатель, тоже не избежавший посадки уже после войны).

В феврале 1938 года маме под большим секретом, через цепочку людей, неизвестный человек, которого выпустили, передал, что он знает, что отец умер от пыток в Бердичевской тюрьме. Мы поняли, что он боялся себя обнаружить и сильно рисковал, чтобы нам помочь. Это было, когда Сталин свалил свои грехи на Ежова и заменил его на Берию. И некоторых «врагов» отпустили.

Приближалась весна и экзамены, в том числе и выпускные, в школе, где преподавала мама. Читать лекции за неё было некому. Родители учеников писали властям прошения хотя бы временно вернуть маму в школу, и её вернули. Вот тогда она и убедилась, что отец погиб, т.к. ее перестали заставлять отказываться от него.

Впоследствии мы узнали, кто же написал доносы на папу. Но об этом потом, т. к. наступил 1941 год и маму настиг новый удар: меня в один день призвали в армию и к вечеру отправили на границу с Польшей. И опять 24-е число, только не в 1937 году, а в мае 1941 года. Было это так. Я преподавал математику в сельской школе. Как учитель имел отсрочку от призыва в армию. На выпускном экзамене по математике в седьмом классе нашей сельской школы ни один ученик не смог решить задачи на систему уравнений с двумя неизвестными. Я не успел научить их этому за один год, так как до меня бездарный учитель сам не умел их решать. Некоторые в классе с трудом отвечали по таблице умножения! Когда директор школы понял, что я не подскажу (а сам этого не знал), то позвонил куда следует, и меня, зарвавшегося юнца, сына «врага народа», беспартийного еврейчика, немедленно призвали в армию. В тот же день отправили в стройбат на польскую границу.

Борис Дехтяр, 1944 г.

Вскоре началась война! Пока я воевал на границе, Любар захватили немцы и мою семью убили фашисты, как и три тысячи евреев Любара, при помощи наших соседей-полицаяев. Так погибла наша семья. Об этом я написал книгу «Гибель местечка». Но издателя, к сожалению, не нашлось. А скоро, наверное, не останется и читателей.

Пройдя через бои, ранения, оборону Киева и Сталинграда, весть о гибели нашей семьи, я сумел приехать в Любар летом 1947 года. На месте местечка был огромный пустырь, заросший бурьяном выше роста человека. И в нем узкие тропочки, не разойтись. Я шел, еще в военной форме, в одиночестве. Вдруг увидел, что навстречу пробирается сгорбленный старик. Неожиданно он бросился передо мной на колени, стараясь их обхватить. Громко плача, он заговорил, обливаясь слезами: «Сыночек, прости меня перед смертью. Это я донес на твоего отца в НКВД...» И я, который давно собирался убить доносчика, если встречу, не смог этого сделать. Обошел его и ушел. Один доносчик припомнил ревизии, в которых папа был неподкупен, а власть у нас была коррупционной, с ворами заодно. Второй – запомнил отказ отца присвоить категорию «Инвалид Гражданской войны» хромому с детства соседу. Возможно, что кто-то ещё припомнил разоблачение воров в нашей районной газете...

Я никогда не пытался добиться реабилитации отца, считая, что это будет говорить о моих сомнениях насчет его честности. Но неожиданно я получил по почте документ из Военной прокуратуры города Львова, где сообщалось о его реабилитации. Я захотел ознакомиться с делом отца в архиве, но этого мне не удалось.

Эпилог

Так кто же был истинным врагом народа? Те, кого сажали, или те, кто сажал – сталинская власть? Погибли невинные миллионы, а теперь другие миллионы от безысходности (или потомки ка-

Б.А. Дехтяр со своей книгой

человек, в биографии которого отразилась история нашей страны. Сын репрессированного в 1937 году отца, воин, прошедший Великую Отечественную войну с первого до последнего дня, награждённый орденами и медалями. После окончания войны Б.А. Дехтяр демобилизовался и приехал в Горький к сестре мамы. Окончил Горьковский политехнический институт. Поступил работать на автозавод, где проработал до пенсии. Ведущий конструктор легковых автомобилей, он участвовал в создании практически всех послевоенных легковых моделей ГАЗа. Много лет был ученым секретарем технического совета КЭО, неоднократно получал звание «Лучший конструктор». Уйдя на пенсию, он не прекращал связи со своим заводом: много помогал заводскому музею, писал статьи для заводской газеты, в том числе об истории ГАЗа, – летописец истории автозавода, активный член Клуба ветеранов Отечественной войны. Писал стихи. В 2003 г. издал книгу своих стихов «Как шли Вторую мировую», публиковал свои воспоминания в газетах «Автозаводец», «Нижегородский музей», «Корни» и других...

рателей) снова голосуют за Сталина. Может быть, прочтут, убедятся в правде и передумают.

Вспомните слова великомученицы поэта Ольги Берггольц, радиоголос блокадного Ленинграда:

*Никто не забыт,
Ничто не забыто*

Чтобы не допустить повторения сталинщины.

Дехтяр Б.А. 11.01.2012

*К публикации материал
подготовлен Е. Деречинской*

Послесловие: об авторе

Борис Акимович Дехтяр родился 22 мая 1922 года, а 6 февраля 2012 года его не стало. Ушел из жизни

Е. Деречинская

Эвелина Даниловна РОГАЧЕВА

Мне 84 года. По законам памяти я очень четко вспоминаю свое детство в Ленинграде. Мой отец, Лихону Даниил Федорович, 1897 г. рождения, кореец по национальности, участник Гражданской войны на Дальнем Востоке, красный командир, осенью 1928 года поступил учиться в Ленинградскую военную академию и перевез из Нижнего в Ленинград свою молодую семью – мою мать и меня. Иногда к нам в гости приезжали нижегородские родственники. На фотографии в день моего рождения, 81 год тому назад, я с родителями, бабушкой и дядей. Отец мой уже на третьем курсе академии начал заниматься научной работой и стал преподавать химию в арттехшколе. Иногда он брал меня с собой (т.к. ребенка некуда было девать). Мне запомнились колбы с голубыми, малиновыми и оранжевыми растворами, высокие штативы и курсанты со спиртовками. Моя мать, школьная учительница и классный руководитель, по той же причине, что некуда девать ребенка, брала меня с собой на дневные спектакли в Оперный театр, куда часто водила свой класс. Я помню огромный многоярусный зрительный зал Мариинского театра с сетками между ярусами для задержания случайно упавших сверху предметов. Мы всегда были на самом верхнем ярусе. До сих пор помню многие яркие сцены из «Евгения Онегина», «Щелкунчика», «Снегурочки».

К концу 1933 года советская власть разрешила новогодние елки, и новый 1934 год мы впервые встречали с нарядной елкой, украшенной игрушками, мандаринами и раскрашенными грецкими орехами на спичках. К этому времени мы переехали

С родными, 1931 год

на новую квартиру, т.к. отец, с отличием окончив академию, стал работать в Артиллерийском научно-исследовательском институте (АНИИ). В жилом корпусе этого института мы получили квартиру. Недалеко находился Дом художественного воспитания детей (ДХВД), куда меня отдали учиться живописи и музыке. Отец купил мне рояль и стол для рисования. Моим учителем по музыке был старенький и добрый профессор Миклашевский. Нашу группу по изо часто водили в Русский музей, где мне больше всего нравился репинский зал с большими картинами, огромными полотнами и маленькими этюдами, а особенно приковывали мое внимание репинские карандашные рисунки, многие из них запомнились на всю жизнь. Мы жили в городе высокой культуры. По выходным мы ездили в пригороды Ленинграда. Я помню довоенный Петергоф, Царское Село, Павловск. Бывали в музеях, ходили в парк культуры и отдыха, где было много аттракционов, а рядом – зоопарк. Гуляли в Летнем саду с прекрасными статуями вдоль аллей, памятником Крылову с героями его басен на постаменте и Домиком Петра I.

А какие красочные и торжественные были Первомайские демонстрации и парады физкультурников! Незабываемы расцвеченные корабли на Неве в День Военно-морского флота и салюты в вечернем небе! Сколько красоты влилось в мою детскую душу, пока был отец и мы жили в Ленинграде!

Но 1937 год, как тяжелый танк, прошел по стране, порушив судьбы миллионов людей. Мой отец, военный инженер-химик, занимался в отделе АНИИ разработкой новых взрывчатых веществ и трассирующих снарядов. Испытания проводились на полигоне в районе Ладожского озера. Сохранилась фотография с сотрудниками полигона, помеченная 1934 годом. Все работы велись под общим руководством маршала Тухачевского. Недавно я узнала, что маршал Тухачевский был расстрелян в июне 1937 года. Моего отца расстреляли 30 октября 1937 года. Об этой дате мы узнали много лет спустя после его реабилитации.

Моя мать со мной сумела выбраться из Ленинграда через месяц после ареста отца и добраться до села Ратунино Лысковского района Горьковской области, где жили мои бабушка с дедушкой. Оставив меня у родителей, мать поехала в Горький устраиваться на работу. Жене «врага народа» это было сделать практически невозможно. Но ей помог наш односельчанин Михаил Иванович Родионов, бывший в то время заведующим облоно. Позднее М.И. Родионов также не миновал сталинских репрессий, он был расстрелян по «ленинградскому делу» в 1950 году. Сейчас в память о нем в Нижнем есть улица Родионова.

Начиная с 1938-39 учебного года моя мать работала в средней школе села Бармино Лысковского района, где я училась до окончания школы. Всю войну мать была директором школы, преодолевая все трудности военного времени. И благодаря ее героическому труду без выходных и отпусков школа была краснознаменной. Мне же очень повезло с учителями. Вначале это были сельские учителя с дореволюционным образованием, призванные «сеять разумное, доброе, вечное». Они не только давали широкое, сверхпрограммное знание своего предмета, но вели кружки – драматический, хоровой. Я помню, как учитель географии приходил со скрипкой и вел кружок хорового пения,

Кафедра кристаллографии, 1966 г.

проигрывал на скрипке чудесные мелодии незнакомых нам песен. Среди учителей были и жены «врагов народа». А в тяжелые годы войны учительский коллектив пополнился эвакуированными из западных областей. Эти люди, пережившие ужасы войны, торопились передать нам все богатство своих знаний. Все свои силы они отдавали школе! Это были наши любимые учителя, трогательная дружба с ними сохранялась долгие-долгие годы.

В 1946 году я поступила на физико-математический факультет Горьковского университета, окончив его в 1951 году по специальности «физик», защитив диплом по кристаллографии под руководством доцента Алексея Всеволодовича Белюстина. Проработав в течение 9 лет на кафедре физики Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова, я вернулась к своему научному руководителю на кафедру кристаллографии университета, в 1966 году защитила кандидатскую диссертацию, затем работала ст.преподавателем, доцентом, а с 1976 года по конкурсу перешла на должность заведующего кафедрой физики в Горьковский сельскохозяйственный институт, откуда и вышла на

После концерта. Хор Общества старых нижегородцев

пенсию. И вот уже более 25 лет я занимаюсь разного рода общественной деятельностью.

Началось с того, что моя приятельница, преподаватель политеха, пригласила меня в хор Дома ученых. В конце 1985 года я впер-

вые пришла на репетицию хора, руководителем которого была талантливый дирижер-хоровик, мастер своего дела Алла Григорьевна Беренова. В 1999 году я стала ведущим концертов, старостой хора и членом правления Общества старых нижегородцев. С сентября 2003 года руководителем хора работает В.В. Медведев. Теперь наш хор стал народным академическим хором Общества старых нижегородцев, он участвует в фестивалях и конкурсах, как и прежде, выступает на собраниях Общества. Я с 2006 года работаю председателем Общества старых нижегородцев и главным редактором нашего ежегодного журнала «Памятные записки». Много времени и внимания берет работа Общества старых нижегородцев и работа по изданию «Памятных записок». Формы работы Общества различны – собрания, творческие встречи, выставки, музыкально-поэтические гостиные, презентации новых книг и журналов, а также праздничные и юбилейные встречи.

Во всех мероприятиях Общества и в нашем коллективном труде – журнале «Памятные записки» участвуют наши талантливые старые нижегородцы. Все мы, и наше краеведческое Общество, и хор старых нижегородцев, выполняем одну задачу – сохранение исторической памяти, культурных и музыкальных традиций нашего старинного города!

Вера Николаевна СИМАНОВСКАЯ

Вся моя жизнь связана с Канавинским (бывшим Сталинским) районом Нижнего Новгорода и улицей Должанской. Родилась я в роддоме, который был расположен на улице Советской-Коммунистической, 28 декабря 1936 года. Должанская улица до войны была вымощена булыжником. В середине войны весь булыжник был убран. В это время были пригнаны военнопленные немцы, их поселили в Спасском Староярмарочном соборе. Когда немецкие военнопленные выходили гулять или шли с работ, то мальчишки бросали в них булыжниками, чтобы отомстить им за своих отцов, которых многие дети так и не дождались с войны. Улица стала грунтовой, пыльной, но мы все свое детство проводили на ней. Играли в лапту, футбол, волейбол и прочие игры. Нам еще нравилось ходить купаться на озера, два из которых находились на этой же улице, а другие – на Мещере. В половодье два озера сливались вместе и было одно большое. Зимой на этих озерах катались с горы. Позднее одно из озер стали заливать, и мы ходили кататься на коньках, которые заматывались веревками на валенки.

Между улицами Должанской и Совнаркомовской стояли в два ряда параллельно друг другу здания из красного кирпича. В каждом ряду было около десяти зданий, это были бывшие торговые склады. В этих зданиях проживали семьи, прибывшие со всех концов: сел, деревень и городов. В одном из таких зданий папе выделили комнату чердачного типа площадью 14 м². Этот чердак стал также пристанищем на долгие-долгие годы бабушки со своей семьей. На 14 м² проживало 14 человек. Тес-

нота невозможная, когда все укладывались спать, ступить было некуда. Думала ли бабушка, что будет жить когда-то здесь? А ведь одно из складских помещений, которое стоит до сих пор, принадлежало ее отцу и моему прадеду. Позднее в этом же доме, только на первом этаже, папе выделили квартиру. Впрочем, квартира – это громко сказано. Ужасное помещение, стены постоянно сырые, полы холодные, от одежды пахло сыростью. Условий никаких. За водой на колонку, туалет через дорогу. В квартире печка да примус в помощь.

Папа, Симановский Николай Яковлевич, 1903 г.р., родился в купеческой многодетной семье в селе Хохлома Ковернинского района. Не бедствовали, но и не барствовали. Работали от зари до зари. У деда имелся маленький кирпичный заводик, у бабушки – бакалейная лавка. Да сейчас ларьки больше, чем та лавка. В районе том леса, река. Ловили рыбу, собирали ягоды, грибы, сушили, солили, все, что могли, собирали, запасали, семья-то большая. Без дела никто не сидел. Да еще учились, дед старался всем детям дать образование. Сам он был председателем кредитного товарищества, председателем кустарной артели ложкарного производства, член правления потребительской кооперации в селе Хохлома. В 1930 году семью раскулачили. Забрали все. Подлежали высылке.

Папа с отличием окончил школу. После окончания школы работал секретарем Хохломского сельсовета, приказчиком. Затем был призван в армию в г. Арзамасе. Позднее стал комендантом полка. Учился в полковой школе, но тут кто-то донес, что он сын кулака. Из школы, несмотря на хорошую учебу, попросили. Уехали в Сталинград, а там голод. У мамы с папой на руках уже двое детей. Младшая дочка там же, в Сталинграде, в младенчестве умерла от голода. На день давали только стакан отрубей. Мама сварит жиденькую кашу только отцу и сыну, а сын ходит, ходит и опять есть просит. Снова сварит, покормит ребенка, а ей ничего и не доставалось. Однажды упала, потеряв сознание, и, наверное, так бы и умерла, если бы не родственники, которые забрали маму в Арзамасский район и выходили. Семья вернулась в г. Горький в 1934 г., но мытарствам, казалось, не будет конца.

В 1937 году отец – начальник почтового отделения связи. По доносу за папой и дедушкой пришли ночью, в доме все перевернули, забрали все документы. В октябре 1937 года папа был осужден особой тройкой управления НКВД на 10 лет, а дедушку приговорили к расстрелу. Отправили их в Улан-Удэ Бурято-Монгольской АССР. Дедушку расстреляли, а папа вернулся в 1940 году.

Потом он расскажет, что сам не знает, как выжил. Сидели с ним отъявленные рецидивисты. Глаза откроешь, а около горла уже бритва ходит. Пока отец отбывал срок, мама боялась лишний раз выйти на улицу. На нее показывали пальцем со словами «жена врага народа».

Невероятно красивая мама прожила тяжелейшую жизнь. Ее мать рано умерла. Маме тогда было 6 лет. Отец женился на другой. Мачеха лаской не баловала, а вот работать заставляла. С утра до вечера мама занималась воспитанием младших сводных братьев и сестры. Потом в 12 лет обучалась сапожному мастерству и в 14 лет уже сшила первую обувку. Окончив лишь два класса, она до старости знала наизусть все стихи Некрасова. Она была от природы умная, мудрая. Сидя у печки и глядя на огонь, я любила слушать мамины рассказы о природе, жизни и ее песни. Мама была глубоко верующим человеком.

Оставшись без мужа с тремя детьми на руках, мама идет работать дворником и уборщицей. Работает с раннего утра и до поздней ночи, чтобы не слышать «жена врага народа». Папа, вернувшись в 1940 году, в 1941-м уходит добровольцем на фронт.

Мама бесконечно много работала. Уходила утром, а приходила в полночь. Мы часто в ожидании мамы засыпали. И мама долго не могла попасть в квартиру. А утром ей опять идти на работу. Мы оставались одни на целый день. Опекуном и защитником нашим был брат, которому было 12 лет. Мы с сестрой его очень любили. Он был скромный, честный, справедливый.

За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны мама была награждена медалью СССР.

В 1946 году у нее начинается страшная депрессия. Она уходит с работы. Есть нечего, денег нет. Ходили на Мещеру – со-

бирали на огородах замерзший картофель. Часто не находили ничего. А когда очень хотелось есть, мы жевали всякую траву: дикий лук, щавель, лепешки маленькие, черные ягодки, которые росли у помоек. Понемногу мама стала приходить в себя. Именно тогда она и решила заняться ремонтом обуви. Много денег не брала – кто сколько даст, тогда ведь все плохо жили.

Для папы война закончилась только в 1947 году, и он вернулся домой в звании лейтенанта, с наградой – орденом Красной Звезды. Но на работу его нигде не брали. Стоило только в автобиографии указать судимость по ст. 58, и все остальные заслуги были уже не в счет. Всю оставшуюся жизнь этот умный, образованный человек, ушедший добровольцем на фронт и защищавший Родину, был вынужден работать вахтером, сторожем, получая нищенскую зарплату.

А времена тяжелые, послевоенные.

Однажды сидим с сестрой, на хлеб смотрим. «Ты будешь есть?» – спрашиваю. Сестра кивает. И вот мы помаленьку, как конфету, как тортик, еле-еле, понемногу, жевали. И вдруг раз... и съели все. «Ой, Зоя, – говорю, – такой вкусный хлеб, еще бы немного». Я не помню, чтобы мы в то время ели первое и второе.

Мы с сестрой росли – нам порой надевать было нечего. Но мама всегда старалась что-то перешить. Однажды, когда у меня не было зимнего пальто, одно было на двоих, так мама на осеннее пальто посадила ватин, пришила свой воротник, и так у меня появилось зимнее пальто. Мама за нами очень следила. Раз в неделю обязательно в баню ходили. Придем, а народу битком, сидим, ждем часами, когда намоемся, ночь уже на дворе.

А условия-то какие? Да никаких.

Только в 1964 году стали выселять из этих складских помещений. И опять начались «хождения по мукам». Нам на 6 человек выделили двухкомнатную квартиру. Я пошла по всем инстанциям, вплоть до председателя городского Совета тов. Проскурина. Он даже со мной не стал разговаривать, выгнал из кабинета, несмотря на то что я была беременна. Квартиру мы все-таки получили трехкомнатную. Папа мог бы добиться отдельной квартиры, но за свои унижения, оскорбления и неодно-

Вера Симановская, 25 лет

кратно смотревший в глаза смерти, не хотел никаких пощадек.

Я в 1955 году окончила школу. После школы пошла в техническое училище и в 1957 году получила специальность «мастер-строитель». Уехала в город Макинск Казахской АССР. С 1959 по 1994 год я непрерывно работала на предприятиях нашего города и училась. В 1965 году окончила университет им. Лобачевского и получила специальность «экономист промышленности». Работала экономистом. Без отрыва от производства в 1968–1970 гг. повышала свою квалификацию по научной организации труда. С 1978 по 1980 год обучалась в университете марксизма-ленинизма. Последние 23 года я работала в Техническом университете, из них 22 года работала начальником планово-финансового отдела. На протяжении всей трудовой деятельности была отмечена благодарностями, почетными грамотами. Была награждена знаком «Победитель социалистического соревнования» и медалью «Ветеран труда СССР». Вот уже 6 лет веду общественную работу – являюсь председателем общественной организации «Защита прав жертв политических репрессий Канавинского района».

На основании Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г. папа был реабилитирован в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Зинаида Семеновна БАТАЛОВА

Вспоминая и оценивая свой 80-летний жизненный путь, я разделяю его на несколько этапов. Первый – самое раннее детство от момента рождения до ареста моего отца, оставившего о себе светлые, радостные, добрые воспоминания.

Я родилась 19 апреля 1931 года в Ленинграде. Отец – Ванин С.А. – в это время учился в Лесотехнической академии. Мать – Ванина О.Н. – работала швейей. Жили в комнате 12 кв. м в коммунальной квартире. Старшая сестра Людмила жила у бабушки в деревне. После окончания академии в качестве инженера-лесохозяйственника отец был направлен в трест лесного хозяйства, который отправлял его на работу в различные места для руководства лесным хозяйством (выделение участков для высаживания саженцев, удаления заражённых деревьев и др.). Вместе с отцом мы жили один-два года в одном месте, затем, после того как им работа была налажена, его переводили на другой участок. Вспоминаю посёлки-города, где мы жили: Холм, Опочка, Глубокое, Торopez (здесь я начала учиться в первом классе), Уваровка. Последнее место – Угодо-Заводск (примерно 130 км от Москвы), где отец был арестован ночью, когда мы спали. Мама скрыла от нас его арест, сказав, что он уехал в командировку. Когда мы повзрослели, она сказала, что отец осуждён на 10 лет без права переписки.

Начался второй этап моей жизни. Счастливое детство кончилось, пришла жизнь холодная, голодная, пропитанная страхом, несправедливостью, ложью, жестокостью, ожиданием наказания за малейший проступок. В это время уже началась Великая

Отечественная война, фашисты приближались к Москве, были бомбёжки, убийства мирных жителей. Недалеко от нас бомба попала в дом, убив трёх детей.

Мы оказались в оккупации в течение почти трёх месяцев. Это было очень страшное время. Все наши запасы продовольствия и скот (корова, поросёнок, куры) немцы, поселившись в нашем доме, уничтожили. Я и сестра сидели и спали только на русской печи, а маму и бабушку, которые могли жить лишь на кухне, они заставили работать – готовить еду для них, убираться, мыть посуду. За отказ – неоднократные побои, обещание убить. Зимой в сильные морозы немцы стали отступать. Покидая нашу улицу, они ночью шли с факелами и поджигали все дома. Наш дом и все соседние дома сгорели.

Невозможно описать тот ужас, который мы пережили: без крова, без продуктов питания. (Хорошо, что перед оккупацией мама зарыла в землю в сундуке кое-какие вещи.) Нас приютили жители деревни Трубино, которую немцы обошли стороной, не сожгли. Они нас обогрели, поделились пищей, затем мы переехали в пустой дом.

Помню, как в ясный солнечный день (ноябрь 1942 года) к нам подъехала грузовая машина. Из неё вышел милиционер и велел собраться в течение одного-двух часов. Вещи и нас погрузили в кузов машины. Осталась бабушка (мать мамы), старая (72 года), больная (трофические язвы), одинокая. Как нам спустя год сообщили, она умерла от голода и горя через полтора месяца после нашего отъезда. Её похоронили чужие люди, даже креста не было на её могиле.

Нас привезли в Москву, в Бутырскую тюрьму. В камере было уже много таких семей, поэтому все места на нарах были заняты. Нам досталось место на полу под нарами. Поэтому все клопы и вши, которых было великое множество, падали на нас. Ночью в камеру ставили «парашу» – бочку, в которую сливали все «нечистоты», Днём можно было пойти в туалет. Перед туалетом была прихожая, в которую ложили «штабелями» умерших заключённых. В тюрьме жили около двух месяцев. За это время один раз нас водили в баню. Построили колонну, по бокам охранники с винтовками и со-

баками. В последние годы по телевизору показывают такие колонны, шествующие по улицам Москвы под изумлёнными и любопытными взглядами москвичей. «Что это за преступники – дети, которых ведут женщины за руку или несут на руках?» Но такие вопросы вслух страшно было задавать: услышит кто-нибудь, донесёт – посадят.

Нас погрузили в товарные вагоны – «телятники». Места указывали милиционеры, на нижние нары посадили женщин с очень маленькими детьми или очень пожилых женщин и мужчин. Нас посадили на верхнюю полку, соединяющую боковые стенки вагона. На полке было столько человек, что ночью спать можно было только на боку. Умывальник один на весь вагон, туалет также один, за шторкой. Завтрак и обед – половник «баланды» – жидкой каши, кусочек чёрного хлеба и чай. Но самое страшное испытание – это даже не голод, а огромные, жирные вши и клопы, которые жадно кусали тело и наголо стриженную голову, сплошь покрытую гнойниками. Это «путешествие» из Москвы в Сибирь продолжалось около двух месяцев, поскольку эшелон двигался вне расписания. За это время из нашего вагона вынесли шесть мертвецов. По железной дороге нас довели до г. Канска, затем на грузовой машине до районного центра Дзержинское. Выгрузили в холодный неотопливаемый пожарный сарай и объявили «свободу»: питайся чем хочешь. Через три дня голода и холода нас отвезли в д. Топол. Началась борьба за существование, выживание, приходилось иногда побираться.

Сибирь поразила меня своей первозданной красотой, величием и мощью, богатством природы, а также состраданием и щедростью местных жителей. Разнообразные ягоды, грибы, шиповник, боярышник, черемша, орехи, травы – всё годилось для питания. Для обогрева и приготовления пищи в русской печи я и сестра (мама работала в колхозе) спиливали с корня огромные вековые сосны «в три охвата». Трёх сосен без сучьев хватало на целый год.

Я освоила многие крестьянские работы. Научилась доить коров, косить, грести траву, жать овес, рожь, пшеницу, вязать снопы, пилить, колоть дрова, прядь шерсть, вязать чулки, но-

ски, варежки, запрягать, распрягать лошадь, ездить на лошади верхом без седла и др.

В тайге, где мы жили, было много волков, змей, слепней, комаров, мошкары («тучи»). Вспоминаю один случай, когда правление колхоза выделило старую лошадь – «клячу» – для поездки на мельницу (15 км от д. Топол), чтобы размолоть зерно. В зимние каникулы мы, два мальчика и две девочки (все ученики 5-го класса), возвращаясь домой, увидели трех волков, которые прыжками догоняли повозку. Не растерявшись, на санях зажгли сено. Волки остановились на расстоянии 20–30 метров. В течение нескольких часов, пока мы ехали до деревни, они сопровождали нас. Мы вернулись домой охрипшие, «безголодые», так как при каждом приближении волков мы кричали. Сани почти полностью сгорели, осталась лишь небольшой «передок», где лежали мешочки с мукой.

Таких ярких событий в течение восьми лет моей жизни в Сибири было довольно много.

В деревне Топол я окончила семь классов, а следующие три года училась в с. Дзержинское, находящемся на расстоянии 25 км от деревни. За продуктами ходила пешком один раз в неделю. Отмечу, что педагогический состав школы был достаточно сильным. Например, химию преподавал профессор, доктор медицинских наук, математику – кандидат физико-математических наук, немецкий язык – немка из г. Энгельса (все ссыльные). В классе я была белой вороной: не комсомолка, по всем предметам получала оценки «отлично». Дирекция школы подозревала сочувствие ко мне учителей, поэтому для проверки знаний неоднократно создавалась комиссия из 5–10 человек и меня «гоняли» по всем предметам. Но худо не бывает без до-

О.Н. Ванина в ссылке

Сестра Людмила
после ссылки

бра: уверенность в знаниях позволила мне сдать экзамены в Горьковский госуниверситет. В 1950 году я поступила на физико-математический факультет.

Сестра, окончив 7 классов, уехала учиться в библиотечный техникум в г. Канск. Там она вышла замуж за геодезиста. В последние годы они жили в Казахстане в закрытом городе Актау. Сестра в своей автобиографии скрыла данные о репрессированных отце и матери, так как она не могла бы работать в закрытом городе на секретном предприятии. После выхода на пенсию она приехала в Горький, была реабили-

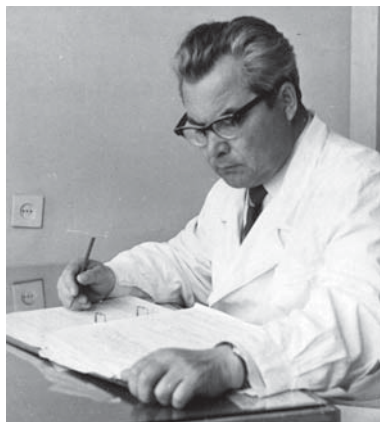
литирована. Мама за каждый год ссылки получила три года трудового стажа. Я не скрывала в анкетах о репрессированных родителях, но о моём искалеченном детстве знали лишь самые близкие, родные и друзья, я жила по закону «зубы сожми и работай».

Третий этап моей жизни связан с учёбой и работой в Горьковском госуниверситете им. Н.И. Лобачевского. В 1955 году я окончила с отличием университет по специальности «математика». В этом же году вышла замуж за красивого, умного, порядочного человека, участника Великой Отечественной войны А.П. Баталова, который также в 1955 году с отличием окончил химический факультет университета и затем поступил в аспирантуру к профессору И.А. Коршунову. В 1961 году он защитил кандидатскую диссертацию, в 1979 году стал доктором химических наук, работал в НИИ химии при университете.

После окончания университета мне очень повезло: я попала во всемирно известную научную школу академика А.А. Андропова. Приведу отзыв моего научного руководителя профессора Ю.И. Неймарка: «То, что именно З.С. Баталова была первой программисткой и первым учителем программирования на ЭВМ, не случайность. Окончив с отличием физико-математический факультет ГГУ и освоив самостоятельно

З.С. Баталова, студентка
2-го курса ГГУ

А.П. Баталов, доктор
химических наук, НИИ химии

программирование, в дальнейшем она успешно использовала компьютеры в медицине, диагностике, прогнозировании и выборе методов лечения больных, а также в решении трудных конкретных задач теории нелинейных колебаний, механики и др. Она подготовила целую армию математиков-вычислителей для предприятий г. Горького и страны. Под её руководством защищены три кандидатские диссертации, созданы комплексы программ для решения разнообразных задач. Ею опубликовано более 160 научных работ, три учебных пособия и монография «Распознавание образов и медицинская диагностика»».

В 1967 году я защитила кандидатскую диссертацию и стала работать доцентом кафедры теории управления и динамики машин факультета вычислительной математики и кибернетики (ВМК). На физическом факультете и факультете ВМК читала лекции по различным разделам математики, вела научную работу, занималась общественной работой.

Четвёртый, счастливый этап моей жизни начался в 1970 году, когда я родила сына Диму. Он радовал своих родителей своим поведением, успехами в школе, был помощником и советчиком во всех наших делах. С медалью окончил школу № 1, затем с отличием факультет ВМК.

Пятый этап моей жизни стал трагическим: сначала умерла мама, затем сын, «крестная мама», муж, сестра и ещё многие родные и близкие друзья. В 2000 году я ушла из университета и стала работать на общественных началах в музее факультета ВМК. Также я работаю в общественной организации «Защита прав жертв политических репрессий» Нижегородского района г. Н. Новгорода и Нижегородской области.

Несмотря на печальные события последних лет, я не утратила интереса к жизни и событиям, происходящим в нашей стране и за ее пределами, получив в виде награды полную настоящую свободу и независимость, которых ранее была лишена многие годы.

Кира Петровна ТОМБАК

Родилась я 7 сентября 1937 года в Киеве в интеллигентной семье. Отец мой, Цоглин Петр Аронович, работал в ЦК КП Украины, инструктировал и отечал за отправку пушнины за границу. Моя мама, Цоглина-Мовш София Владимировна, работала в аптеке фармацевтом. Еще до моего рождения у моих родителей было двое детей – старшая сестра Сталина одиннадцати лет, названная в честь Сталина, и Люба девяти лет.

В июне 1937 года мой отец был арестован НКВД и выездной сессией Венной коллегии Верховного суда СССР по ст. 54-7, 54-8, 54-11 УК УССР был приговорен к высшей мере наказания как «участник контрреволюционной троцкистской организации». И 20 октября 1937 года был расстрелян.

Моя мать, оставшись с двумя детьми и будучи беременной на восьмом месяце, впала в отчаяние. Она не знала, что ей делать, как быть. Куда ей с тремя детьми? Чем их кормить и вообще как жить? В первую очередь она должна была определиться с работой, и она пришла к заведующему аптекой, рассказала об аресте отца и спросила его, может ли она и дальше проболжать работать в аптеке или он ее увольняет (что тогда было повсеместно). Но заведующий оказался хорошим человеком и сказал моей маме, что пока у него нет никаких указаний по поводу ее увольнения и поэтому она должна работать, как работала раньше. И она проработала на одном месте 25 лет. Ее с детьми выселили из отдельной 3-комнатной квартиры в комнатку в коммунальной квартире. Сталина и Люба учились в школе, а

Петр Аронович
Цоглин

Софья Владимировна
в возрасте 35 лет,
когда арестовали
мужа. 1937 г.

я была на шестидневке сначала в яслях, затем в садике. Относили меня в ясли мои сестрички. Они клали меня в коляску и, споря, кто меня несет, а кто везет, везли обе, споря и ругаясь, а коляска вырывалась из рук и вместе со мной неслась с третьего этажа, затем заваливалась набок, и я из нее вываливалась. Они бежали за мной, хватали, кричащую, меня, кое-как заворачивали и снова продолжали везти в ясли.

В выходной день (воскресенье) я всегда была дома, девочки играли между собой, посадив меня на стол, чтобы не мешала, бегали друг за другом и выбегали на лестничную площадку, дверь захлопывалась... ключ оставался в комнате, и они бежали к маме в аптеку за ключом. Когда они прибежали, я лежала на полу и кричала. И так было, по их рассказам, очень много раз.

Во время войны наша семья благодаря дяде, который служил в железнодорожных войсках, была эвакуирована в Казахстан, где мама работала фельдшером в детском доме, Сталина, которой было почти 16 лет, работала воспитателем.

Когда Киев освободили от немцев в 1943 году, мы все вернулись домой. Дядя выхлопотал для нас комнату в 25 метров, в которой жили моя мама с нами тремя, мамина родная сестра тетя Аня (тоже с тремя детьми) и тетя Паша – жена дяди и их сын. Я и мама спали с одной стороны солдатской койки, а Сталина и Люба – с другой. Тетя Аня с дочками Ирой и Майей спали на

Кира Томбак

своей солдатской койке, а ее сын Володя спал на полу на шинели. Утром было представление. Володе было 14 лет, и ему надо было рано вставать на работу. На полу в алюминиевой тарелке стоял будильник, он так гремел по утрам, что будил не только нас, но и соседей. Но Володя спал, и вокруг него начинала пританцовывать мама и напевать, пока он не начинал тихо смеяться, а потом и вставал. В этой коммунальной квартире было восемь комнат, огромный коридор, в конце него была наша комната, в которой жило 11 человек. Мама работала в аптеке, я ее вообще не видела: я ложилась – она еще не возвращалась с работы, а вставала в школу – она уже была на работе. Сестры мои работали. Сталина – в книжном магазине продавцом, Люба – на телеграфе, а я училась в школе. Я была дистрофически

худая – мне в 14 лет давали 10. Я весь день была предоставлена сама себе. Днем я ела молочные каши, приготовленные мною на сухом молоке из американских посылок. Я не знала, что такое шоколад и конфеты. Ходила я в обносках. Сталина была у нас красавицей, у нее были ребята, которые по окончании войны вернулись с фронта. Они ей дарили вещи, она их носила, потом отдавала их Любе, а уж с Любы перепало мне. У меня была шапка с длинными ушами много лет, на ногах были бурки, сшитые из солдатских шинелей. У меня не было новых вещей. В 1953 году я поступила учиться в строительный техникум железнодорожного транспорта. В марте 1953-го умер Сталин, и только после его смерти я узнала всю правду о своем отце. До этого я знала, что мой отец умер от разрыва сердца. Так с этими знаниями я жила до 16 лет. Мама так сильно плакала, как

будто она похоронила папу сегодня! В доме был траур. Мама послала запрос в прокуратуру о судьбе отца и получила ответ:

«Определением Военной коллегии Верховного суда СССР № 4Н-03346 от 12 мая 1956 г. приговор в отношении Цоглина П.А. отменен и дело о нем в связи с вновь открывшимися обстоятельствами прекращено за отсутствием состава преступления. Он полностью реабилитирован».

Когда я родилась и мама пошла регистрировать мое рождение, в метрике в графе «отец ребенка» на вопрос «кто отец?» промолчала, чтобы спасти от репрессий своих детей, и в загсе поставили прочерк. Меня записали на мамину фамилию, и до замужества я была Цоглина-Мовш Кира Петровна. Мне сначала через прокуратуру, а затем через суд пришлось доказывать, что Цоглин Петр Аронович мой отец, и 06.05.2003 г. Нижегородский районным судом Нижнего Новгорода, руководствуясь ст. 194-199 ГПК РФ, суд решил установить факт родственных отношений между мной и Цоглиным Петром Ароновичем, установив, что Томбак Кира Петровна является его родной дочерью.

Сейчас я очень счастлива. У меня очень хорошая семья: мой муж – летчик-испытатель, полковник в отставке, с которым я прожила больше 50 лет, у меня сын Сергей, тоже летчик-испытатель, полковник, внук Виктор, названный в честь своего дедушки Виктора Юльевича, тоже летчик, но морской, в звании майора.

Виктор Юльевич ТОМБАК

Я родился 11 декабря 1933 года в Брянске в семье военнослужащего – командира эскадрильи авиационного полка.

В 1936 году моего отца Томбака Юлия Григорьевича приказом МО перевели в Москву в академию им. Жуковского на должность старшего преподавателя, где до декабря 1941 года он преподавал, затем в июле 1942 года его перевели в штаб начальником отдела в звании полковника. 08.09.1973 г. по политическим мотивам был осужден постановлением особого совещания при НКВД СССР.

На день ареста отца, 10 апреля 1943 года, отец проживал в 3-комнатной квартире в Москве, а его жена, Евгения Ивановна Томбак с двумя детьми (Витольд, 1929 г., и я) были эвакуированы в г. Чкалов (Оренбург). Мама работала там в мастерской потребсоюза. Материально нам жилось очень трудно. Мама очень много работала, т.к. ни на какую пенсию она рассчитывать не могла. В конце 1944 года моя мать вместе с нами переехала в Киев к своей матери, Ставской Марии Ивановне, которая жила в 16-метровой комнате вместе со старшей сестрой моей мамы, Людой.

В 1945 году мой старший брат Витольд окончил 10 классов и поступил в военно-морское училище в Ленинграде. Спустя 4 года, в 1951 году, я окончил 10 классов и очень хотел поступать тоже в военно-морское училище, но как сыну врага народа, мне было отказано. И в июне 1952 года я сделал попытку поступить в летное училище в г. Чугуеве Харьковской области, и меня приняли. Я был счастлив, что могу продолжить дело

Евгения Ивановна
Томбак

Юлий Григорьевич
Томбак

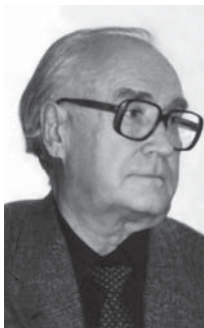

Витольд Юльевич
Томбак

отца, тоже стать летчиком. В 1955 году я окончил училище и был направлен по назначению в летный полк, который базировался в г. Кармелава Литовской ССР.

28 марта 1957 года дело по обвинению Томбака Юлия Григорьевича пересмотрено Военным трибуналом Московского военного округа и постановлением особого совещания при НКВД СССР от 8 сентября 1943 года отменено и дело о нем прекращено. Но отец об этом так и не узнал. В 1953 году, просидев 10 лет и не имея права жить в больших городах, он был вынужден уехать в г. Белая Церковь, поближе к своей семье, которая жила в Киеве. Был он уже инвалид, плохо ходил и в сентябре 1953 года умер. После реабилитации его прах был перевезен на Байковое кладбище в Киеве и там на военном кладбище перезахоронен.

Я очень горжусь своим отцом Томбаком Юлием Григорьевичем, полковником авиации. Он бы очень гордился своими сыновьями и внуками. Старший сын, Томбак Витольд Юльевич, – капитан I ранга в отставке, я, Томбак Виктор Юльевич, – летчик-испытатель, полковник в отставке, внук Томбак Сергей Викторович – летчик-испытатель, полковник, правнук, Томбак Виктор Сергеевич, – морской летчик, майор.

Владимир Васильевич ПОЛОВИНКИН

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ *Родному селу Яковцеву*

В том городке доподлинно известно,
Кто чем живет, кто честен, кто подлец.
Но вот однажды осенью аресты,
И первым арестован мой отец.
Напрасно мать ходила к прокурору –
«Не знаю. На свидание нельзя».
И позабыли к нам дорогу скоро
Отцовы сослуживцы и друзья.
Казалось, люди шепчут:
«Враг народа...»
Казалось, в спины наши смотрят зло.
А после ночь, под окнами подводы,
И нам – в дорогу, в мамино село.
Как сон теперь:
 луна и косогоры,
Крик возчиков и ветер ледяной,
Крыльцо в сугробах,
 печка, на которой,
Согревшись, мы уснули всей семьей.
Как сон теперь:
 изба во мгле рассвета,
И хлеба запах (дорог он с тех пор),
И скрип дверей, и у порога где-то
Соседей приглушенный разговор.
О чем – теперь припомнится едва ли.

Но знаю, буду помнить до конца:
По имени и отчеству назвали
В том разговоре моего отца.

1963 г.

Я родился 8 марта 1926 года в с. Яковцево Вацкого района Нижегородской области. В детстве жил в г. Павлово-на-Оке. Здесь в 1937 году мой отец был репрессирован, и мать с детьми (я был старшим) вернулась в родное село. В 1939 году отца реабилитировали, после чего семья стала жить в г. Горьком. В 1943 году отец погиб на фронте.

В 1949 году я окончил кораблестроительный факультет Горьковского института инженеров водного транспорта. Работал в конструкторском бюро, учился в аспирантуре, успешно защитил кандидатскую диссертацию, после чего в течение трех с половиной десятилетий преподавал в институте, который в свое время окончил. Получил звание доцента, был деканом факультета.

Одновременно я занимался литературным творчеством, начал регулярно печататься в 1948 году. Известен как поэт, автор сборников «Светлые берега», «С нами рядом», «Помню», «Стремнина», «Ледоход», «Одна единственная жизнь» и др. В 1964 году был принят в члены Союза писателей. С семидесятых годов стал активно работать в художественной публицистике, чему способствовали многочисленные творческие командировки на волжские суда, а также участие в заграничных плаваниях со студентами Водного института (ныне Волжской академии). Результатом стали книги «Речная соль», «Река и берег», «И реки, и моря». Мне было присвоено звание почетного члена экипажа одного из крупных волжских судов. Мои произведения, посвященные речникам, отмечены премией журнала «Волга».

В 1986 году мне было присвоено звание заслуженного работника культуры РФ, а в 1990 году был избран председателем Нижегородской областной организации Союза писателей России. Этот пост я оставил в 2002 году и занимаюсь в настоящее время исключительно творческой работой. Руководжу объединением молодых литераторов «Феникс» при литературном музее М. Горького.

Эдуард Сильвестрович ЯРИХОВИЧ

*Материал
подготовлен его женой
Людмилой Дмитриевной
Ярихович*

Отец Эдуарда Сильвестровича, Сильвестр Андреевич, приехал в Россию из Польши вместе со своими родителями, когда ему было 6 лет (1914 год). Приехали в поисках лучшей доли, т.к. в Польше было очень голодно. Они остановились в Буграх (33 км от Н. Новгорода). Там было польское поселение. Там мать Эдуарда познакомилась с его отцом. Он служил у Тухачевского. Косая сажень в плечах, 2-метрового роста, красавец. Эдуард похож на него. Сестра Сильвестра Андреевича, Раиса, училась на курсах вместе с Надеждой (будущей мамой Эдуарда). Она их и познакомила.

Брат отца, когда узнал о гибели Сильвестра, сказал: «Какого бугая завалили!» Когда его арестовали, это было в Перми, его жене посоветовал директор завода, где она работала, немедленно вместе с ребенком уехать из Перми, чтоб не попасть в «АЛЖИР». Она срочно, с годовалым ребенком на руках, в чем были, уехала в Горький к матери, Анне Осиповне. Бабушка сама была репрессированной, раскулаченной. У их семьи до революции было четыре дома. Дед Анфим Григорьевич был подрядчиком, мостившим дороги. За прекрасную работу по мощению двора Госбанка на Б. Покровской был награжден золотым жетоном в честь 300-летия династии Романовых, ко дню которого этот банк был построен. Деда хватил удар, и через два года после раскулачивания он умер. Бабушка, имея 8 детей, вынуждена была взять в руки метлу и пошла подметать Средний рынок. Она приняла свою дочь с грудным ребенком. Ото всех переживаний мама Эдуарда заболела туберкулезом.

Сильвестр Андреевич
Ярихович

Надежда Анфимовна
Ярихович (Козлова)

Она ездила на курорт, но болезнь прогрессировала. Она очень любила своего сына.

По истечении 10 лет со дня ареста мужа (в 1947 году) Надежда Анфимовна написала письмо председателю Президиума Верховного Совета СССР Швернику с просьбой разрешить переписку с мужем, т.к. она инвалид 1-й группы, имеет на руках малолетнего сына. Ей был дан ответ, в котором говорилось, что «...ваш муж, Ярихович Сильвестр Андреевич, находится на спец. строительстве. По окончании строительства вернется домой». На тот момент уже 10 лет прошло, как он был расстрелян! Такой ответ еще больше убивал ее, и болезнь прогрессировала. В 1948 году она умерла.

Когда умерла мама, Эдуарду было 11 лет. Он остался сиротой. Его должны были забрать в детский дом, но только благодаря глубокой порядочности родных он был от этого спасен. Сестра его матери и бабушка взяли его на свое попечение. Летом он жил в деревне у родной сестры бабушки, которая была председателем колхоза. Его отпаивали парным молоком, т.к. боялись, что он заболит туберкулезом. Когда он подросток (8–9 класс), его отправили на лето в экспедицию с геологической

партией. Там он выучил язык и счет народа коми. Все относились к нему по-доброму. Он был трудолюбивым, интересующимся ребенком.

По окончании 9 классов он хотел поступать в летную школу, но его не взяли – сын «врага народа». Зато сразу после 10 класса, когда ему исполнилось 18 лет, призвали в армию (и «биография» не помешала). Служил он хорошо. Эдуард вспоминает, что никакой дедовщины у них не было. Его старослужащий друг Павел Ефимов был блокадником. Они были прекрасными друзьями до самой смерти Павла (он умер в 2011 году) – переписывались, ездили в гости. Командование очень хорошо относилось к Эдуарду. Он хорошо рисовал, помогал оформлять стенгазету, боевой листок. Они видели его тягу к знаниям. Уже на втором году службы он попросил, чтобы из дома ему прислали учебники, и каждую свободную минуту он посвящал подготовке в институт. Видя желание Эдуарда поступать в институт, командование послало запрос на досрочную демобилизацию, чтобы он имел возможность сдать вступительные экзамены. Такое разрешение было получено.

Он послал запрос в четыре авиационных института с условием, чтобы было общежитие. Ему ответили из КАИ (Казанский авиационный институт). Он сдает экзамены и поступает. В графе «отец» он написал просто «умер» без даты смерти, т.к. он ее не знал. Он два года учился в страхе быть отчисленным за сокрытие причины смерти отца. На втором курсе он получает повестку в Бауманскую прокуратуру г. Казани. Он, конечно, забеспокоился, в чем дело. Оказывается, его отца реабилитировали «в связи с отсутствием состава преступления». Ему выдали справку и два оклада за отца. Все деньги он тут же переслал тете. Ему положено было жилье, но он учился в Казани и жил там в общежитии. Позже, по окончании института, он получил направление в КБ им. Королева, и ему дали комнату в 2-комнатной квартире в новом доме. За потерю кормильца ни он, ни его мать не получили пенсии, которую он должен был получать до 18 лет, а может, дольше, т.к. он учился на дневном отделении в институте. А так – стипендия 28 рублей да 10 рублей, которые высылала тетя. И когда решено было создать в институте

группу ракетостроения со стипендией 60 рублей, он, будучи старостой, собрал ребят своей группы и сказал, что надо сдать хорошо сессию, чтобы быть зачисленными в эту группу. Ребята постарались, и их зачислили. И Эдуард сразу же написал тете, чтобы она больше не высылала ему денег.

Из детства и юности Эдуард вспоминает только хорошее. Несмотря на такое большое горе – потерю родителей, – он рос в добре и радости. Один из сыновей бабушки, дядя Костя (он был начальником ОКСа на заводе имени Ленина), устраивал каждый год елку дома. И приглашал на нее детей всех своих родственников. Было весело, были угощения и подарки.

Несколько слов хочу сказать о семье моей мамы, Терещенко Нины Петровны. Она приняла Эдуарда как родного сына и очень хорошо понимала его беды, т.к. сама прошла через такие же испытания. У нее расстреляли брата Сергея, учителя истории (10 лет без права переписки, ст. 58, п. 10). Забрали отца в 1938-м, 8 лет без права переписки, сослали под Архангельск, там он и сгинул. В 1928 году был репрессирован ее дед. Впоследствии они были реабилитированы, но их уже не было в живых.

Мы с мужем без малого 50 лет идем по жизни рука об руку. Оба из семей репрессированных и раскулаченных. Оба сироты, оба нищие материально, но не духом. Трудолюбивые и старательные. И более верного и преданного, любящего и любимого человека я не встречала, прекрасного отца и деда, пример для подражания, рассудительного, пользующегося большим авторитетом в семье у детей, внуков и друзей. Внуки – наша вера, надежда и любовь. И самое главное, чтобы не было войны и репрессий, которые унесли полчеловечества. смели труды и старания миллионов.

Мария Петровна ВЕРШИНИНА

Мой отец, Васильев Петр Васильевич, родился 3 января 1902 года в д. Демидово Череповецкого района Ленинградской области. Рос с неродной матерью.

У него была большая семья, и до 1935 года он вел единоличное хозяйство. Жили хорошо. В период нэпа построил просторный дом со всеми необходимыми хозяйственными постройками (двор для скота, сеновалы, овин, хорошая баня, теплый сарай для ульев). Сеял зерновые и лен (культура очень трудоемкая, но выгодная). Было две лошади (рабочая и выездная) две-три коровы, мелкий скот. Наемных рабочих никогда не было.

В 1935 году получил бумагу о сельхозналоге и понял, что даже если все продать, налог не выплатить. Вступил в колхоз. В селе (за 10 верст) строили школу, отца и других обязали идти на ее строительство. Очень скоро председатель роно назначил отца про-рабом (при том что у него было только 2 класса приходской школы) и очень просил отца, чтобы остался строителем. Отец отказался, но в колхозе сменился председатель – поставили пьяницу, не знающего дела. Отец понял, что его семью (5 детей, жена, мать) не прокормить, принял приглашение и ушел в строители. Радовался, что подглядел сруб, и бригадой построил дом в Череповце. Колхоз хватился – ушел пахарь, столяр, плотник, печник, стекольщик, способный работать 20 часов в сутки без отдыха. Недобрый односельчанин научил дурака-председателя сходить в ОГПУ и потребовать вернуть отца в деревню, чтобы другим было неповадно. Председатель, пробыв в ОГПУ два дня, понял, чем кончится дело,

Сидят: мама (справа) и бабушка; стоят: справа – отец, дедушка, прадедушка и старший брат отца с женой; сидят на земле: сестры и брат мамы

Сидят: мама, бабушка и тетя; стоят: братья и я (вторая слева)

заехал к маме и советовал, чтобы отец срочно исчез куда-нибудь, а то посадят. Мать не поверила, а через 3 дня приехал строитель и сказал, что отца ночью забрали. Взяли 18 августа 1937 года, а 13 сентября расстреляли в Ленинграде. Место захоронения выяснить не удалось.

За невыплаченный налог 1935 года у нас отняли все, что оставили после вступления в колхоз. Оставили кухню без стола, кроватей, лавок. Отобрали даже бочки с капустой, картошку и овощи, верстак и кухонную посуду. Готовили к высылке, но 5 детей, старуха-мать и мама – оставили. Как мы выжили, непонятно. Бабушку тоже осудили на 3 года (в числе нескольких старух) за то, что не пустила сироту-племянницу ходить в день Пасхи с транспарантами «Религия – опиум для народа» – лозунги, которых деревня даже не понимала.

Мама, удивительная труженица, сумела нас поднять, а мы трудились как муравьи по 18–20 часов в сутки и в колхозе, и дома. На 7-летней девочке было двое младших (пяти и двух лет), да еще и в огороде полела и помогала маме на овечьей ферме. Но все выросли, пройдя через принудработы, армию, уходили в город, и в итоге все получили высшее образование. Сейчас в живых трое: мои младшие братья и я. Спасибо маме, мы росли неозлобленные, с верой.

Анна Леонтьевна ВОЛКОВА

Мой папа, Черняк Леонтий Васильевич, 1905 года рождения, после окончания учебы в Минске был направлен в район города Червянь. Получив распределение, папа с семьей прибыл в село для открытия в нем школы. Для этой цели сельсоветом была выделена изба с заколоченными окнами. В одной ее половине был оборудован учебный класс, а во второй поселилась наша семья. Первое время папа совмещал работу директора школы и учителя. До момента ареста Леонтием Васильевичем было открыто четыре сельские школы. У нас в семье четверо детей, у всех место рождения разные села, жили всегда при школе – своего дома не могли завести.

В 1937 году к папе приехал учитель Б.Н. Адамчик и стал просить его уступить место директора школы, сославшись на отсутствие опыта открытия школ. Отец объяснил свой отказ желанием семьи наконец-то обзавестись своим домом, тем более что два старших сына уже учились в школе.

30 ноября 1937 года в 12 часов ночи в окно постучали:

– Леонтий Васильевич, вас приглашают в сельсовет.

Папа накинул пиджак, кепку и ушел в ночь. Больше мы его не видели.

Вероятно, в этом пиджаке везли папу в далекую Сибирь. Прожил он после ареста пять месяцев. Умер папа в местах заключения в Амурской области 7 мая 1938 года от крупозного воспаления легких. Так записано в свидетельстве о смерти.

Через 20 лет, в 1958 году, Леонтия Васильевича Черняка посмертно реабилитировали за отсутствием состава преступления.

В 1960 году я поехала в город Червень с одним желанием – восстановить доброе имя отца.

В районе мне посоветовали написать заявление и найти четырех свидетелей, работавших с отцом, чтобы подписали его. Адреса троих (Семашко А.К., Дударчик Е.В., Гончарик Н.М.) мне дали сразу, а вот говоря о четвертом, Адамчике Б.Н., работники районо очень сомневались, что он подпишет мое заявление, хотя он хорошо знал отца. В крайнем случае посоветовали обратиться к учительнице Анне Михайловне Журавлевой, так как она работала с папой до последних дней.

Так все и произошло. Трое сразу подписали заявление, с теплотой вспоминая работу с папой. Они никогда не считали его врагом народа и знали, что пострадал он несправедливо и незаслуженно. Но Адамчик Б.Н. действительно отказался подписать заявление, сказав, что не работал с отцом и не знал его.

Анна Михайловна Журавлева подписала заявление и много рассказала о папе, какой он был добрый, отзывчивый, как любил свою работу, детей, какой он был хороший семьянин. Все жители села шли к нему за советом с радостью и горем. Папа никому не отказывал в помощи.

Я рассказала Анне Михайловне о человеке, который отказался подписать заявление. Ей сразу стало плохо, даже пришлось мне отхаживать ее. Когда она немного успокоилась, выяснилось следующее. Из-за этого Адамчика отца и арестовали – Адамчик стал писать на папу доносы, якобы он отравил покос, где косили сено для школьной лошади, лошадь пала. И еще много разных пакостей сочинял.

Когда мне выдали справку в районо, я решила съездить в село Новая Речка, зашла в школу, где папа работал до ареста и где мы жили. Встретила в селе папиного ученика, он помнил моего старшего брата. Этот человек пригласил меня остановиться у него. Пока я была в школе, по селу быстро прошел слух, что приехала дочь Леонтия Васильевича Черняка. Полная изба народу собралась, особенно из тех, кто знал папу. Они меня

обнимали, плакали, вспоминали отца, какой он был хороший, добрый человек.

Многое, что я написала, рассказывала мне мама. До 1959 года мы не знали, где наш папа, временами думали, что он живой и находится в заключении, пока не прислали нам справку о его реабилитации и свидетельство о смерти.

У моего отца было четверо детей: старший сын Феликс, 1929 г.р., Михаил, 1930 г.р., Анатолий, 1933 г.р., и Анна, 1936 г.р. Мама была из большой семьи, где было 10 детей. Когда они с папой поженились, она с его помощью освоила грамоту, окончила четыре класса и поступила учиться на медсестру.

На время ареста папы мне было год и три месяца. Мама не смогла окончить учебу, комнату при школе, где мы жили, пришлось освободить. Нас приютила одна бедная семья. Чтобы не умереть с голоду, мама стала менять свои и папины вещи на продукты. От папы никаких известий не было. В 1939 году выехали мы к бабушке в город Куйбышев Новосибирской области, в совхоз, жили в бараке год, потом из-за урагана обвалилась крыша, и мы перетянулись в совхозный барак, где жило несколько семей. Там была большая кухня с печкой, на которой варили себе и свиньям, у печки стояли ведра с кормом скотине, а у другой стены стояла кровать с соломенным матрасом, на которой спали мои братья.

Старший брат, Феликс, до папиного ареста окончил два класса в школе, где папа работал. Потом, уже в Куйбышеве, продолжал учиться, но, не окончив пятый класс, бросил школу и пошел работать. Он со взрослыми мужиками в зимнее время за пять километров возил на быках в совхоз сено. А летом с мая по сентябрь мама с сыновьями угоняли на откорм совхозный скот, 100 голов, километров за 80 и больше, в лес, строили временное жилье, и так все лето. Первого сентября гнали скот

Леонтий Васильевич
Черняк. 1926 г.

Феликс

Анатолий. 1953 г.

своим ходом до Омска на мясокомбинат, домой возвращались в октябре, в школу опаздывали на полтора-два месяца.

Феликс до армии выучился на шофера, в армии специальность пригодилась, служил в Новосибирске шофером, после увольнения в запас взяли водителем в совнархоз, позже переименовали в обл-исполком. Проработал там до конца своей жизни. Умер он в 63 года.

У Михаила судьба не легче, хотя он окончил семь классов. В свободное от школы время ходил разгружать вагоны на спиртзавод и мясокомбинат. Мама работала скотником, и Михаил часто подрабатывал вместе с мамой.

До 1947 года жили вместе с бабушкой, у которой семья пять человек, и нас пять. Решили построить свое жилье. Совхоз выделил трактор, выкопали котлован на метр в землю, зачищали пласты и выкладывали их вокруг этого котлована еще на метр. Потом покрыли крышей, и получился дом-землянка. Зимой прожили без пола, на соломе. Весной совхоз выделил доски для пола. Так как доски были старые, мы били кирпичи и веником натирали пол до желтизны. Приобрели две железные кровати, матрасы соломенные. Жилье немного преобразилось. Маме приходилось белить потолок

и стены каждый месяц, потому что побелка осыпалась от земляных стен. Весной появились блохи, и мы собирали охажками полынь и раскладывали ее под кроватями и вокруг стен, и это спасало.

Через два года покрасили пол, купили корову, поросенка. Вся домашняя работа легла на наши с Анатолием плечи, по-

Михаил (слева).
Ленинград, 1953 г.

могали маме. Михаила взяли в армию, служил он в Эстонии инструктором собаководства в звании старшего сержанта, приняли в партию. После армии поступил в сельхозтехникум, получил специальность зоотехника, заочно окончил институт, работал в совхозе главным зоотехником. Умер Михаил в 2007 году в возрасте 77 лет.

Анатолий, как и старшие братья, рано познал тяжелый труд. Так как одежды и обуви почти никакой не было, летом он бегал босиком, ноги в трещинах, одежда в заплатках, а с наступлением холодов сидел дома. Весной, когда земля на полях немного просыхала, он в резиновых галошах ходил собирать картошку. Добавляли немного ржаной муки и на рыбьем жире пекли лепешки, съедали лебеду, крапиву. Ходил он в луга километра за полтора за щавелем и полевым луком, мы вязали пучки, и он ходил в город за два километра на базар, продавать. Иногда приходил без денег, отбирали, а то и в поле отбирали вместе с сумкой.

Анатолий ходил в школу в одежде и обуви братьев, окончил пять классов и бросил школу – пошел работать в совхоз, а по вечерам зимой учился на шофера. Летом все уезжали пасти скот. В 18 лет Анатолий ушел в армию, после армии работал с дядей в тайге на заготовке леса для совхоза. Пилили деревья, сучья сжигали прямо в лесу, бревна вывозили на тракторах и лошадях к реке, связывали их в плоты по 20 кубометров и в начале мая, когда лед тронется, спускали плоты на воду и на них приплывали домой. Так он ходил в тайгу несколько лет. Умер он в 71 год.

Я была четвертым ребенком в семье. В школу пошла в девять лет, когда мы переехали в свой барак. В 4-й класс пошла в школу в другой совхоз, где была десятилетка. Совхозы разделял луг, который заливало во время половодья, и тогда в школу переправлялись на лодках. Вода стояла месяца два. Однажды зимой ушла от дома метров на 30 и увидела волков, которые быстро приближались ко мне. Еле успела добежать до дома.

Хотя мы жили бедно, я часто вспоминаю то время. Два старших брата меня очень любили. Однажды Миша получил зарплату и купил четыре метра ткани, нитки-мулине, и мы с ним при керосиновой лампе просиживали долгие вечера, вышивая скатерть. Он вышивал ветки сирени, а я васильки с пшеничными колосками. У меня до сих пор хранится эта скатерть..

Опишу еще один случай. Недалеко от нашего дома на лугу была низинка, и в ней все лето стояла вода и росла трава. Когда вода сошла, я взяла ведро, чтобы нарвать травки. Зашла по колено и чувствую, что-то меня по ногам бьет. Стала ловить. Оказалось, что это рыба запуталась в мягкой траве. Наловила целое ведро щук, сантиметров по 30, прикрыла травкой, и домой. Мы были счастливы. Три дня вылавливали – сами ели и продавали.

В нашем бараке окна были почти по земле, часто снегу наваливало по самую крышу. Приходилось по несколько дней сидеть с занесенными окнами, а когда затихала буря, начинали откапывать окна. В бараке у нас всегда было чисто, уютно, к братьям приходили друзья, а мама часто устраивала праздничные вечера, собирались все родные.

В 1950 году я окончила 7 классов, поступила в сельхозтехникум, после второго курса нас направили в колхоз работать на току, и я серьезно заболела. Старший брат Феликс забрал меня в Новосибирск, устроил работать на швейную фабрику, а вечерами я училась на секретаря-машинистку. В 1957 году вернулась к маме в Куйбышев, так как она осталась одна – братья ушли в армию. Потом вышла замуж, муж из большой семьи, пришел жить к нам в барак. Потом нам дали квартиру, и в 1973 году вместе с мамой и двумя детьми переехали в Нижний Новгород, где живем по настоящее время.

Екатерина Николаевна КОЛАЧЕВСКАЯ (КОЧИНА)

Родилась в декабре 1931 года в г. Горьком.

Раннее детство я помню очень смутно. Хорошо помню, как мы ездили с папой и мамой до войны в Коктебель (Крым). Теперь это место называется Планерское. Дом творчества писателей располагался в доме поэта Волошина. Это было три разных дома двухэтажных, близко расположенных друг к другу. Место очень живописное. Справа – гора Кара-Даг, а слева – Святая гора. Наверху этой горы была могила поэта Волошина. Я застала вдову Волошина. Это была уже древняя женщина, которая легко вступала в разговор с писателями и членами их семей. Дача стояла близко к морю с прекрасным пляжем, где мы и проводили большую часть времени. Кроме того, мы ездили на катере к Кара-Дагу. Там была сердоликовая бухта. Так ее называли потому, что, говорили, там много сердолика. Когда мы приходили на пляж, то после купания начинали искать сердолики. Ходили вдоль кромки моря и внимательно вглядывались в камешки на пляже. И находили! Такие красивые маленькие камешки с различными живописными рисунками. У нас была коллекция сердоликов. Несколько коробочек, на дно которых мы стелили вату и в эту вату помещали наши «сокровища». Кроме сердоликов собирали еще камушки, которые называли лягушками. Они были зеленоватого цвета и все в крапинку. От родителей я слышала, что в долине жили цыгане, и взрослые иногда вечерами ходили в табор слушать цыганские песни. Отец был дружен с Сергеем Михайловичем Михалковым, который был молодым человеком (он значительно младше папы)

и любил катать меня на плечах. Да они до старости называли друг друга Колей и Сергеем.

Жили мы в Горьком на ул. Минина, дом 3а на 5-м этаже, и балкон выходил к Волге. Картина была необыкновенная. Волга весной разливалась до горизонта, так что противоположного берега не было видно.

Училась я в школе № 1 на пл. Минина, и все мои подруги жили в этом районе, так что всего города я не знаю, тем более заводские районы. Летом на два месяца меня отправляли жить к дедушке и бабушке в деревню Гремячая Поляна. Я ездила туда со своим двоюродным братом Славой (сыном старшего брата отца Ивана), с которым мы очень дружили, хотя мне иногда доставались подзатыльники. Мы со Славой собирали коллекцию яиц лесных птиц. Какие они красивые и разноцветные! Держали мы свои драгоценности в старом чемодане дедушки, в который клали вату. Я очень рада, что родители отправляли меня в деревню. Я видела жизнь русской деревни, видела, как пригоняли стадо и бабы загоняли своих коров в стойло. Бабушка доила корову, а нам давала пить парное молоко, которое я очень любила. У меня в деревне были подружки, я была в их избах и узнавала, как живет крестьянство. Вечером девки и парни ходили по деревне и под гармошку пели частушки. А мы, маленькие, сидели на завалинках и восхищенно слушали.

Когда в 2002 году отмечали 100-летие со дня рождения Кочина, мы с писателями были в Гремячей Поляне. Я не узнала деревню. В моем детстве там был колхоз и даже я с бабушкой ходила жать рожь серпом, мне давали маленький серпик. А теперь Гремячая Поляна – это дачный поселок, куда на лето приезжают дети бывших колхозников на отдых. Мне стало очень грустно...

Отец мне однажды сказал, что город никогда не знал того веселья, которое было в русской деревне.

Война застала меня в деревне Гремячая Поляна. Я подхожу к нашей избе, а на ступеньках сидит мой брат Слава, мрачный. От него я впервые услышала слово «война». Из деревни стали уходить парни на фронт почти каждый день. А мы, маленькие, бегали за ними и провожали до деревни Сарадон. Затем родители забрали меня домой, в город.

В школе тоже все изменилось. Наш класс учили в каком-то подвале, т.к. (я думаю) здание школы было отдано под какое-то учреждение. У нас дома в спальне папа развесил на стене большую карту СССР и черными флажками отмечал сданные города. Под Москвой в 41-м году погибли старший брат папы дядя Ваня и его сын Вова. Отец готовился идти на фронт фотокорреспондентом. Было голодно. И моим самым большим лакомством была манная каша на воде без масла. Хорошо помню бомбежки и голос диктора по радио: «Воздушная тревога!» Мы все спустились в бомбоубежище, где и проводили ночь. Горели заводы.

Екатерина Кочина,
выпускной класс

Я мало пишу о родителях, т.к. редко их видела в детстве. В доме была домработница, а о войне со мной никто не разговаривал. Но я хорошо помню разницу в одежде и общем облике детей из «розового дома» на ул. Минина и всех остальных. Я помню мальчика, который очень хорошо учился, но был всегда с опухшим лицом и никогда не улыбался. Позднее, когда я стала врачом, я узнала, что так выглядят голодные люди с белковыми отеками.

Хорошо помню арест отца. Это было ночью. Мама уехала в командировку в Муром. В квартире были папа и я. У отца всю ночь в кабинете горел свет. А я спала в спальне. Вдруг открывается дверь, зажигается свет и в спальню входит отец и с ним чужие люди. Отец открывает все ящики шкафа и говорит: «Вы видите, здесь ничего нет». Люди уходят, а отец подходит к моей кровати и говорит: «Дочка, я уезжаю в командировку, письмо маме у меня на письменном столе в кабинете. Мама придет завтра утром». Поцеловал меня и ушел. Я уснула. А когда приехала мама, я ничего особенного в ее поведении не заметила. Какая выдержка! И как ни в чем ни бывало пошла в школу. В это время закончилось мое беспечное и счастливое детство.

Екатерина Кочина

То, что мой папа, которого я считала самым умным, добрым человеком на свете, арестован... вызвало у меня шок, а потом я начала плакать, плакать, плакать. А мама уговаривала меня, говоря, что наш папа самый хороший, самый добрый и очень любит нас. А потом началось все остальное... Кабинет отца опечатали. В дом приходили незнакомые люди (как я позже узнала, следователи). Они брали из дома все, что считали нужным: мамино пальто, одеяла и т.д. и т.д. Взяли много книг из библиотеки отца. Например, забрали книги Есенина (он был в те годы запрещенный поэт). Нам с мамой разрешили встретиться с отцом. И вот мы на Воробьевке, в здании КГБ. К нам вывели отца, которого трудно было узнать. Худой, одет в какие-то чужие подержанные вещи, говорит тихо. Рядом стояли два охранника. Откровенного разговора не получилось. Больше я его не видела до 1953 года. Так с 10 до 20 лет я жила с мамой. Это были трудные годы. Я это поняла и оценила позднее.

В школе ко мне изменилось отношение. В первую очередь со стороны учителей, да и некоторых одноклассниц тоже. Дочь врага народа – это штамп, от которого трудно отделаться.

Не могу не рассказать, как дочь начальника КГБ Баскакова Галя, с которой я училась в одном классе, пригласила меня к себе на день рождения. Я никогда не дружила с этой девочкой, и вдруг такое внимание. Отец еще сидел на Воробьевке. Жили они в «розовом доме» на ул. Минина. Я сказала об этом приглашении маме, и она мне сказала: «Иди». Напоминаю время – 1943 год. Идет война, в городе голод. Когда я вошла в квартиру Баскаковых, то первое, что мне бросилось в глаза, – это размеры комнат. Они были очень большие. Навстречу мне вышел пожилой и грузный человек. Оказалось, что это был Галин отец, Баскаков. Он подошел ко мне и сказал, что Кать-

Екатерина, Николай Иванович, Анна Ивановна и внучка Катя

то Кочину он помнит. Много позднее, когда отец вернулся с каторги, я от него узнала, что этот человек присутствовал при пытках отца. Каков?! Затем я прошла в гостиную. Это была очень большая комната, в центре которой стоял огромный стол с разными яствами. Я запомнила только большой торт, в центре которого был кремль с башнями из шоколада. Мы с подружкой Кирой Зверевой (она тоже была приглашена) взяли башню из шоколада и поставили себе на тарелку и целый вечер ели настоящий шоколад! Так жили «слуги народа».

Отца отправили в Казахстан, а потом переводили из лагеря в лагерь. Мы жили с мамой вдвоем. Мама сама вселила в нашу большую квартиру семью своей старшей сестры Прасковьи Ивановны Горчиковой, отдав им самые большие комнаты. Лучше было бы жить с чужими людьми. Но это уже очень личное. Во всяком случае слов благодарности мы от них не услышали.

От папы очень редко приходили письма. Он имел право писать один раз в два месяца. Помню одно письмо: «Анна, пришли сухой картошки, если ее нет, то картофельной шелухи». Мы плакали...

Шли годы... Я должна была поступать в институт. В какой? Я хотела в университет, на филологический факультет. Но от отца пришло отчаянное письмо маме, в котором он просил ее не направлять меня на идеологический фронт. Я передала доку-

менты в медицинский институт и ни разу не пожалела об этом. Я любила свою профессию. Она приносила мне удовлетворение и какое-то душевное спокойствие, которого в личной жизни мне так не хватало...

В 1953 году вернулся с каторги отец. Мы с мамой его не узнали. Перед нами стоял истощенный, старый, в каком-то хламье человек с котомкой сзади. Мама вскрикнула: «Коля!» Втащила его в прихожую, и он был потрясен, что мы сыты и одеты. Папа не имел права жить в Горьком. У него было 3 года поражения в правах, мама сняла ему комнатушку на Бору, где он и прожил 3 года.

Я помню, как я ездила на Лубянку получать документы о реабилитации отца. Я уже жила к этому времени в Москве. Я не забуду этот огромный зал, забитый людьми. У всех на лицах была забота и волнение. Все они, как и моя семья, много пережили и все пришли получать документы о реабилитации отцов, мужей, детей... Какое было тяжелое время! Много при советской жизни было хорошего, а главное, порядок, но этот поток арестов за одно необдуманное слово... Так, я уверена, делать нельзя. В одной семье нельзя заставить думать и говорить в одном направлении. А это Страна...

Отец быстро пришел в норму благодаря маме. Пошли переиздания его книг, а затем и новые книги. Он приезжал в Москву по делам. И вот как-то он позвал меня в ванную помыть ему спину, и я ужаснулась! Вся спина была в рубцах от побоев в лагерях. Я ему ничего не сказала. Но про себя подумала, что в Коммунистическую партию, которая допускает такое, я никогда не вступлю.

Жизнь двигалась вперед. У отца начались проблемы с ногами. Появлялись трофические язвы, боли при ходьбе. Отголосок лагерной жизни, когда они сутками стояли в холодной воде, вылавливая бревна. Но тут помогла я. Первый раз его госпитализировали в Институт Бакулева, а во второй раз – в клинику академика Савельева. Ноги были спасены.

Я очень счастлива, что у меня такие родители, такая семья. В доме всегда было уютно, никаких ссор. Какие интересные разговоры мы вели за завтраками, обедами, ужинами, когда я

ненадолго приезжала в свой любимый город. Я так и не полюбила Москву. Душа моя осталась здесь, на Волге, где прошли мои детство и юность. Мне по работе нужно было много ездить по стране. Проводила конференции, семинары и просто показательные операции. Но нигде я не видела более красиво расположенного города, чем Горький, ныне Нижний Новгород. Нижегородцы должны гордиться своим городом, где родились Мельников-Печерский, Кулибин, Горький, Костылев, поэты Адрианов, Шамшурин, Кочин и др.

В 2011 году я окончательно вернулась в свой родной любимый город.

Колачевская Екатерина Николаевна окончила Московский медицинский институт, получила специальность «акушер-гинеколог». По окончании института в 1955 году работала участковым терапевтом. Затем в 1961 году поступила в аспирантуру. По окончании учебы работала в НИИ туберкулеза Минздрава РСФСР в отделе нелегочного туберкулеза. Благодаря ее работе появилось отделение фтизиогинекологии, которым она руководила. В 1980 году защитила докторскую диссертацию, получила звание доктора медицинских наук, профессор.

Павел Эммануилович СЫРКИН

В 1937 году был арестован, а затем расстрелян начальник Главного управления связи Горьковской области Дубино А.Е. Как нам потом стало известно, его обвиняли, в частности, во вредительстве при постройке Дома связи. Этот дом по сей день стоит на углу Большой Покровской и площади Горького и исправно выполняет свои функции.

Мой отец – Сыркин Эммануил Наумович – работал главным бухгалтером этого управления. Приходя с работы, он рассказывал, как начали арестовывать начальников отделов и других ответственных работников. «Они ни в чем не виноваты», – утверждал он. Мы возражали: «Как это возможно, чтобы арестовывали невиновных». 11 августа 1938 года, когда мы уже ложились спать, в дверь позвонили и вошли двое. Папа очень разволновался: он понял, что пришли за ним. Начался обыск. Он был не очень тщательным. Наверно, энкавэдэшники по опыту других обысков знали, что искать нечего. Посмотрели и полистали некоторые книги, порылись в ящиках папиного письменного стола. В итоге конфисковали несколько семейных фотографий неизвестно зачем. Папу увезли. Впоследствии он рассказывал, как, попав в тюремную камеру, его дружелюбно встретили такие же, как и он, «враги народа». Один из них посоветовал соглашаться со всеми обвинениями: «Всё равно они выбьют из тебя нужные для них показания и ты станешь калекой, а признавшись, может быть, останешься жив».

Для нас настали трудные времена. Мама, как большинство еврейских женщин её времени, выросших в провинции (г. Рогачев,

Белоруссия), с детства приучалась быть женой, матерью и домашней хозяйкой. Она получила традиционное для еврейских девушек образование и не имела никакой специальности. Мне было 16 лет, я учился в 9-м классе, сестра училась в Горьковском индустриальном институте на втором курсе радиофакультета. Средств к существованию не было. Маме после долгих поисков и хлопот удалось устроиться на работу буфетчицей при столовой сельскохозяйственного института, который помещался на площади Минина (тогда Благовещенской) в здании бывшей духовной семинарии. Мы жили рядом, на улице Минина, тогда Университетской. Мама договорилась, что меня в столовой института будут бесплатно кормить обедом. По дороге из школы я заходил в столовую и обедал вместе со студентами. Нам немного помогал папин родной брат Борис Наумович, который жил в Москве. Иногда нам помогала папина родная сестра Роза Наумовна Сыркина, которая жила с нами в одном доме и которая была известным в то время детским врачом. Позднее был также арестован её муж Арон Исаакович Шлосберг.

К материальным трудностям добавились другие. Радиофакультет, на котором училась сестра, считался секретным, и ей велели перейти на другой – кораблестроительный. Пришлось сдавать дополнительные экзамены по тем дисциплинам, которые она не изучала. Переход на другой факультет был для сестры большой психологической травмой. Это и осознание своей какой-то неполноценности, и разделение её с поступавшими вместе с ней друзьями.

Эммануил Наумович
Сыркин

Павел Сыркин
на фронте

Павел Эммануилович
Сыркин с женой
Кларой Иосифовной Соболев
на встрече ветеранов
10 мая 2005 г.

Для меня в школе устроили комсомольское собрание, на котором было сделано предложение исключить меня из комсомола. В защиту выступила директор школы Анастасия Максимовна Шатрова.

Это была очень интересная и умная женщина. Она была старым членом партии, но тем не менее обладала здравым смыслом и не была фанатичной. Она была замужем за Балахоновым Александром Геннадиевичем, бывшим до 1931 года (года своей смерти) ректором Горьковского университета, а её сестра – Елена Митрофановна Шатрова – народная артистка СССР, работала в Малом театре. Анастасия Максимовна привела известные в то время слова Сталина, что сын за отца не отвечает (хотя в тех жизненных условиях это вовсе не соблюдалось). Она говорила, что я хороший ученик и хороший комсомолец. Ну и так далее. После такой защиты меня в комсомоле оставили.

Сестра написала заявление на имя народного комиссара внутренних дел Ежова, в котором пыталась защитить отца, и отвезла его в Москву. Конечно, никакой реакции на это не последовало.

В 1938 году наступили перемены. Отец рассказывал, что по тюремной почте (а почтой было перестукивание через стенки камер) распространилось известие, что Ежов снят с должности наркома. Это вселило некоторую надежду.

Однажды вечером в октябре 1939 года зазвонил телефон. Подошла мама. В трубке раздалось: «Хотите поговорить со своим мужем?» Состоялся короткий разговор с отцом из тюрьмы на Арзамасском шоссе (ныне проспект Гагарина), где всё время находился отец и куда мы носили передачи. Разговор разрешил новый

следователь, который пересматривал дело горьковских связистов, обвиненных в причастности к правой троцкистско-бухаринской вредительской группировке. Но главное – мы почувствовали, что, возможно, происходят большие перемены. К этому времени новый народный комиссар внутренних дел Берия провёл изменения в НКВД. Сталин, наверно, решил, что дело сделано, а если и были «перегибы», то свалил всё на Ежова.

26 октября 1939 года отец был освобожден. Его восстановили на прежней работе и в прежней должности. По закону ему выплатили двухмесячный оклад. Выглядел он постаревшим и болезненным. Я до сих пор храню справку, в которой значится, что Сыркин Э.Н. «...освобожден из-под стражи в связи с прекращением дела».

СОДЕРЖАНИЕ

Дурасова-Горн Майя Семеновна, Комлева Юлия Семеновна	3
Высоцкая Софья Ефимовна	9
Дехтяр Борис Акимович	18
Рогачева Эвелина Даниловна	26
Симановская Вера Николаевна	31
Баталова Зинаида Семеновна	36
Томбак Кира Петровна	43
Томбак Виктор Юльевич	47
Половинкин Владимир Васильевич	49
Ярихович Эдуард Сильвестрович	52
Вершинина Мария Петровна	56
Волкова Анна Леонтьевна	59
Колачевская (Кочина) Екатерина Николаевна	65
Сыркин Павел Эммануилович	72

ЛИНИЯ СУДЬБЫ
Воспоминания детей «врагов народа»

Четвертый сборник

Формат 60x84 1/16
Тираж 200 экз. Заказ № 169

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Б. Покровская, 37